

Смена

1
БЮРО ПОСЛА
ИЗДА
1930

19302

$\frac{63}{37}$

№ 1 - 18

10 коп.

ПОЭТИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ...

И. Бачеланса

КУКРЫНИКСЫ—время к постановке
«Первый кандидат»

За последний год на театральную сцену началось «поэтическое наступление». Целый ряд крупнейших поэтов выступил с драматическими произведениями. Эта галка к новому, более актуальному, напряженному и так сказать «высококоллоидному» поэтическому жанру имеет несомненно связь с общим повышением творческого напряжения в стране, с новым строительным этосом, с реконструктивным периодом.

Пролетарские поэты выходят или готовятся выйти на сцену с целым рядом театральных произведений. В частности, в Москве уже осуществлены и пока самым широкому зрителю пьесы А. Безыменского и А. Жарова.

„ПЕРВЫЙ КАНДИДАТ“

Пьеса А. Жарова и Поликарпова «Первый кандидат» поставлена московским театром Сатиры. Этот театр за последнее время зашел в тупик, не умея направить жало своей игры на нужный объект. Оставшись на уровне мелкой темы, театр постепенно подменял сатиру зубокальством и общественной тему—мещанским, обывательским анекдотом.

Пьеса Жарова помогает театру выбраться из тупика. Театр делает первый шаг в сторону общественной темы. И хотя пьеса «Первый кандидат» не слишком широка и объект сатиры не велик, однако это уже явление, принципиально отличное от зубокальства анекдота, которыми страдают многие сатирические театры (в том числе и театр обуржуазившейся Дома Печати, работающий с крупными и квалифицированными мастерами сатиры).

«Первый кандидат» берет под обстрел примазавшегося. И хотя герой пьесы Морковкин—мелок, как медка вся жизнь города Польюбка, однако Жаров под конец пьесы переводит его в более высокий и широкий план. Под конец пьесы этот «первый кандидат» в связи с топографией мнит себя «заведующим советской властью», он расширяется и обобщается, и когда он становится «я—не я, я—памятник», когда он обращается в зрительный зал с вопросом: «Скільки вас, первых кандидатов? Первые кандидаты—станьте!»—зритель в зале неловко ерзает и оглядываются на соседях.

Вполне понятно, что «Первый кандидат» на должность является первым кандидатом к вышесте.

Прекрасно разыгранная актриса, остро и умно поставленная на фоне мостовой стеной газеты (все эти подробности пьесы как бы ожившие заметки стенографа), пьеса Жарова достигает своей цели. Но она сама остается только «первым кандидатом на настоящую пудину, большую сатиру».

«Первый кандидат» смотрится очень весело.

„ВЫСТРЕЛ“

О «Выстреле» Безыменского, как об одном из крупнейших и актуальнейших явлений в современном искусстве, в «Смене» уже писали. Сейчас мы можем уже говорить о том, как пьеса оцелена на театре. Здесь необходимо отметить, что, несмотря на свою громоздкость и высокие и трудные требования, которые пьеса предъявляет к театру, она дала широкий простор для театральной постановки, режиссерского и актерского воплощения. «Выстрел» идет уже во многих театрах Советского Союза (Москва, Ленинград, Иваново-Вознесенск, Казань, Свердловск и т. д.)—и всюду по-своему, по-разному. Здесь мы встречаемся с реалистическим толкованием и сноваторскими экспериментальными работами в различных планах; так, например, ленинградский ТРАМ ставит «Выстрел» как своеобразное комсомольское обозрение «ревью», театр Мейерхольда—как политический панфаг.

Постановка «Выстрела» в театре им. Мейерхольда осуществлялась бригадой молодых режиссеров. Они подхватили в пьесе основное ее зерно: как диалектически взаимодоблительные пафос нежности к врагам и пафос творческого строительства. Вичующую сторону сатиры Безыменского и под«емную, зажигающую, зарядную сторону его лирики театр Мейерхольда сплел в один неразрывный узел. В этом основное значение постановки. Оно раскрывается во всей полноте в заключительном аккорде постановки, когда весь трагифарс пляшет бодрую, радостную, неистовую «Карманьолу» со словами: «Подымайте ярость масс на проклятых бюрократов!». Многие в смущении останавливались перед этим яростным танцем—между тем в нем ключ ко всей постановке: «Карманьола»—пляска победившей французской революции—сочетает в себе эти начала победного торжества и неукротимой беспощадности к врагам. Недаром в кулеетах «Карманьоль» были слова: «Дворин—на Фопар!».

Несмотря на ряд недостатков постановки она принимается как большое и важное событие на театре; здесь автор пьесы и коллектив театра соединились в общем умысле «прижечь» и задержать. При такой постановке зритель не может остаться равнодушным—и не остается. Недаром после второго акта, где происходит голосование: зал—против!—зал—против!—бригада, среди зрителей повторяется та же сцена:—зал—против!—зал! зал! зал! пьесу.

Марковкин

Главфига

Устия

Пон Оени Васильевич

Дмитрич

СМЕНА

№ 1 — 10 января 1930 г.

Литературно-художественный, младежнический журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ—Изд. «Молодая Гвардия»

Ответственный редактор С. К. Мирза
Заведующий редакцией Я. Юджиний

НА СМЕНУ ОДНОМУ— МИЛЛИОНЫ ЛИБКНЕХТОВ

Карл Либкнехт и Роза Люксембург пали под ударами немечков социал-демократической собаки Ноке. На смену павшим в революционные дни германского пролетариата вошли сотни тысяч новых борцов за пролетарскую революцию. И сейчас они продолжают борьбу против буржуазии и социал-фашистского правительства Ноке. От защиты своих элементарных прав революционные массы Германии переходят к наступлению на социал-фашистское правительство. Революционная молодежь выступает плечом к плечу со взрослыми рабочими, активно борясь за свои классовые интересы.

Нынешний период развития революционного движения, новый подъем боевых настроений в среде рабочего класса несет в себе признаки буржуазии. Это социал-фашизм. Молодари и Цериблики, расклевывающие, пролепывая кровавой собакой Ноке, пролетариат Германии, не удастся убит в революционные месяцы молодежи бойкой дух Карла и Розы. Вооруженная их значением, рабочая молодежь Германии ведет, под руководством комсомола, тяжелую борьбу, борьбу не за жизнь, а за смерть.

Воспитанная в духе классовой и интернациональной солидарности, молодежь Советского Союза и всего мира с восхищением следит за борьбой германских товарищей. Сильная волей к победе, пролетарская молодежь всего мира претворяет революционную массу антиимпериалистской борьбы, проводимую Карлом Либкнехтом, в живое дело защиты отечества международно пролетариата — Союза Советских Республик, превращения войны империалистической в войну гражданскую.

Да зарываю боевые сны Карла и Розы! Пламенный привет германскому комсомолу, ведущему революционную молодежь Германии на аванпосты классовой борьбы.

Адрес редакции Москва центр, Новая площадь, 6. Издательство «Молодая Гвардия». Прием в редакцию ежедневно с 12 до 2 ч. дня.

Обложка художника В. ЛЮШИНА

ЗА УЧЕБУ! ЗА ТЕОРИЮ!

Из года в год широким фронтом повышается теоретический уровень комсомольских масс. Однако этот непрерывный теоретический рост комсомола не может удовлетворить требований пережитого нами периода: периода социалистической реконструкции и развернутого социалистического наступления пролетариата.

Практика становится слепой, если она не освещается себе дорогой революционной теорией (Сталин). Это большевистское положение глубоко верно и для нынешнего периода нашей борьбы и строительства. Вся практика социалистического наступления пролетариата требует от каждого коммуниста и комсомольца, от каждого передового пролетариата особенного внимания к теории, особенного внимания к своему теоретическому росту.

Это теоретического роста требует и обостренная классовая борьба, вызванная ожесточенным сопротивлением классового врага и борьбой за большевистскую, ленинскую линию партии против оппортунизма всех мастей и задача осуществления грандиозного пятилетнего плана социалистического строительства и задача руководства, непрерывно растущей активностью рабочих и бедняцких масс.

В самом деле, распознать классового врага, дать четкий большевистский анализ перелета классовых сил, видеть за огромным ворохом повседневной работы революционную социалистическую перспективу, видеть мы в состоянии сделать, лишь непрерывно совершенствуясь теоретически.

Борьба за генеральную линию партии требует особенного внимания к вопросам марксистско-ленинской теории. Всякая беззаботность к вопросам теории, склонность тех или иных отдельных товарищей игнорировать вопросы теории чревата опасностью отхода от ленинской линии партии, чревата опасностью потери революционной перспективы.

Теоретические разногласия в начале, в самом своем зарождении — сплошь и рядом едва различимы, а не вооруженным теорией, глазом зачастую еще и не могут быть обнаружены.

Достаточно взять разногласия с троцкистами или «левыми» загибщиками и разногласия с правыми уклонистами. В тот период, когда эти разногласия еще только определялись, многим делегам казалось, что здесь мы имеем только различие в формулировках, многие склоны были сводить расхождения в формулировках к личным

взаимотношениям лидеров партии. Эти беззаботность делег обнаружилась, как подлинная неприглядная слепота их при дальнейшем развертывании политических разногласий в партии; из теоретических различных формулировок выросли, отпочковались различные политические линии. Все искусство ленинско-марксиста должно заключаться в том, чтобы, при фактах малейшего отхода от основной партийной установки тех или иных товарищей, суметь различить, почувствовать это, суметь открыть своевременно борьбу с таким отходом, уклоном.

Или же взять вопросы руководства растущей активностью рабочих масс. Без постоянной работы над своим теоретическим уровнем сейчас ни один активный работник комсомола, ни один работник партии не в состоянии руководить массами.

Таким образом, вопросы теоретической учебы в настоящий момент приобретают значение политической задачи. Недоученка вопросов теоретической учебы есть предельная и опаснейшая политическая ошибка. Тот, кто недоучивает вопросов теоретической учебы в рядах комсомола, тот не способен и не может развивать активность пролетарской молодежи, возглавлять эту активность и направлять ее на решение основных задач, поставленных партией перед комсомолом и всем рабочим классом.

Тот, кто недоучивает вопросов теории, тот по неизбежности разоружает комсомольца, рабочую молодежь и рабочий класс перед умудренным опытом классовой борьбы классовым врагом, перед лицом буржуазных оппортунистических проявлений в наших рядах.

Первую боевую задачу комсомола и всех комсомольских ячеек должно быть влитою взяться за дело теоретической учебы, проявить здесь такую же волю энергии, инициативы и творчества, какую комсомольская организация проявляет на фронте хозяйственного, на фронте выполнения производственных заданий, на фронте социалистического переустройства Деревни.

Необходимо развернуть массовые формы комсомольского политического просвещения. Необходимо раскатать широко инициативу комсомольских масс на дело организации коллективов, групп комсомольцев, работающих над теми или иными проблемами теории.

Лицом к учебе! Лицом к теории! Такой очередной клич для ленинского комсомола.

ПАРК КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА — ЗИМОЙ

Фото П. Петрокаса.

Детский карнавал на открытии парка.

МЫ—ПРОТИВ „ИДЕЙНЫХ НАХЛЕБНИКОВ“

А. Ингер

Политическое невежество—враг вдвойне

Невежество—это враг. Политическое невежество—враг вдвойне. Это объективная истина, опасность, за которую никто не отвечает, ибо субъективно невежество—не вина, а беда.

Близкий соседом политической невежественности является бездельность, апатичность. Эта малопятенная парочка еще вхожая в наш комсомольский дом, имеет еще немало клиентов. Правда, эта клантура далеко от одиозности. Одних отпугивает презрение к теории, другим—страх перед ней. Одни бесцельно насчет своей теоретической грамотности, другие превращают этот необходимый спутник и инструмент массовой борьбы в занятие для немногих относительно ученых. Им, мол, и книги в руки! В последнем же обиходе оба представляют атог, так сказать, неизбежного течения. Довольствуясь незавидным положением идейных нахлебников. Они безжалостно эксплуатируют чужой труд. У Маркса и Ленина они ищут не мысль, а цитату, не дух, а букву, а ведь марксизм для них нечто в роде воинского устава, из которого можно заучить отдельные параграфы, статьи...

Так рождается бюрократическая, с позволения сказать, «идейность».

Впрочем, таких, которые презрительно третируют теорию, меньше. Они все же перемалываемы. Их репутация основательно подмочена. Гораздо больше—подверженных страху. Если раньше подходило под рубрику своеобразных нигилистов, до края наполненных интеллигентским дилетантством и беспомельным всезнаемством, то теперь можно дойти так. Они собственно и рады бы в рай, да на их и методические грехи не пускают...

Здесь нам необходимо сделать небольшое «историческое отступление».

Тот почти в комсомоле говорит о теории. И не только говорит. Кое-что сделал. Весной этого года прогресса по союзу слава об университетах, семинарах опыта, «идейных двухдунделниках», «теоретических утренинках». Но прошло несколько месяцев. Отгремела слава, те, кому она была адресована, расписались в получении. И на этом, собственно, все кончилось. Что-то ничего не слышно сейчас об «идейных неделяках!» И не слышно потому, что одна рваная ласточка не делает весну. Нет. Мы говорим это имея в виду то, что указанные методы и были такто неудачной ласточкой в нашей теоретической работе, которая еще предстоит. Они—все эти утренинки, воскресники, двухдунделники (не хватает только идейных контрольных цифр и пятилетки!)—были, в сущности, пусть даже лихой, но все же партизанский на таком «поле брани», которое требует как раз обратного—спокойного напора и напористого спокойствия.

Препятствие берется приступом

Это были своеобразные «малые формы» теоретической самодеятельности. Но они скоро стали не привлекать, а отпугивать. Они не стали началом большого потока, а сами превратились в немощные ручейки и быстро иссыхли. Основная причина неудачи заключается в том, что отправной точкой им служила не живая, текущая действительность, а проблемы «вообще». Они шли не от частного к общему, что было бы наиболее правильным в данном случае, а наоборот—от общего к частному. Программа минимум,—во что выпало из их поля зрения. Вся проблема была поставлена головной вив, приходится сейчас вернуть ее в естественное состояние.

Могли ли в этих условиях такие формы открыть собой массовое движение? Нет, не могли. А раз так, то понятным должен нам казаться и финал.

Вот почему можно понять тех, кто не решается переступить порог храма «высокой материи», у кого теория связана с предвещанием о непреодолимом препятствии и кто предпочитает обойти это препятствие вместо того, чтобы ее взять приступом.

Конечно, эти объективные обстоятельства ни в какой степени не повышают субъективную ценность и такового «идейного нахлебника», не уменьшают его опасности. Но все же представляют собой отрицательный вес, большой накладной расход.

Борьба с этими малочисленными субъективными качествами решается прежде всего на зсах великого социали-

стического строительства, на полях вставших гигантов, в схватках с коварным классовым врагом. Здесь, под шум моторов, давай, ставивших вежами, и... выстрелом, тяжелой молот фактов, живой действительности выкует крепость, паронистость. Умение осмыслить эти факты, раскрыть их внутреннюю связь, во всем олицет, какие качественные перемены, которые они—эти большие количества фактов—приносят с собой—это дасть теория, вооруженность марксистским методом познания действительности. Но учиться, постигать факты и их связь между собой—это не так. Это таким путем теория дойдет до миллионов, станет им понятной, превратится из обязанности в необходимость. Этот метод—от частного к общему—сам по себе научит применять и общие законы для объяснения частных явлений.

В таком диалектическом единстве затожено одно условие успеха, ибо результатом борьбы за теорию будет тогда не небистрое восхождение на «высокие горы науки» немногих, а овладение теорией и борьба массами. Теория тогда станет подлинным двигателем нашей социалистической практики, перестанет быть самоцелью.

Каковы условия успеха

Мы не так давно были свидетелями того, как некоторые ничтоже сумняшеся «теоретики» хотели доказать, что главное в нашей системе—это мобилизация энтузиастов... баалаааки, фото-аппарата и велосипед! Наньлись, как известно, и толкователи теории о сомнении в верности политики партии. Правда, эти сомнители—в прямом и переносном смысле—«теоретик» дельчатства и «левую» оппортунизма были осмеяны, их попытки развенчаны. Большую помощь при этом оказала старая партийная гвардия, которая не стала и не отдала молодое поколение большевизма в концессию правым и «левым» оппортунистам. Вот почему тогда—ближе к Ленину, ближе к партии!—должен был главным стимулом широкого движения за марксизм-ленинизм. Вне Ленина, вне большевистской идеологии среди никакое теоретическое движение не мыслимо.

В этом заключается второе и решающее условие успеха. Вся проблема теоретического обогащения облегчается тем, что нам доступны подлинные сокровищницы марксистской мудрости и марксистского опыта. Октябрьская революция, утвердившая материализм, как господствующую идеологию, обогатила нашу страну огромным количеством новых научных учреждений, изданий, создала тысячи и тысячи ученых.

«Теория есть опыт рабочего движения всех стран, взятый в его общем виде. Конечно, теория становится беспретной, если она не связывается с революционной практикой, точно так же, как и практика становится слепой, если она не осмещает себе дорогу революционной теорией» (Сталин). Есть ли у нас возможность пользоваться этим опытом в его общем виде? Есть! Все есть, не хватает только умения пользоваться этим богатством.

Единственно, что было в свое время сделано в этом смысле, заключаются в привлечении крупных специалистов для преподавания в Харьковском комсомольском университете. В остальных же городах и это не было сделано.

Преенебрежение к накопленному опыту, к трудностям, с которыми связано теоретическое движение, к силам, которые уже имеются—равне это не похоже на истинно расееское «шавками заклинаем»?

Вместо того, чтобы сократить сроки, сберечь энергию использовать уже имеющиеся формы и методы, навмы, вместо того чтобы под новое дело подвести надежный фундамент, вместо всего этого у нас принялись за насаждение всяческих семинаров, кружков, групп... Кустарщина! Издания тратя средств и сил!

Но, как бы то ни было, мы проделали большой труд, и он не пропадет бесследно. Пусть даже его основным пороком была приверженность к кастовости. Мы это учтем. В борьбе за теорию мы втнем не сотни, а миллионы людей, ибо советское движение в комсомоле будет массовым движением и без него не будет совсем. А массовым оно будет тогда, когда между теорией и практикой не будет разрыва.

СТРАЖ СОВЕТСКИХ ГРАНИЦ

Рис. М. КРЕМЕНСКОГО

ВЕРХУШКИ И КОРЕШКИ

Ап. Чаров

Рис. Р. ЧЕРНЯКА

Один комсомолец-активист выступил на собрании ячейки и открыто заявил, что не хочет заниматься политучебой.

Мотив простой:

— Верхушки знаний у меня есть, а корешки—самим подольнуть.

Таких «активистов» у нас в комсомоле много. Они воображают себя чучелными и перучеными, «всеняйками», они рекомендуют «марксистские» образованными людьми. А на деле? На деле не только Пугачев с Гоголем, а Бебеля с Бабелем, но не могут зачастую ответить толково и понятию на самые простые вопросы текущей жизни.

Ленинградцы, желая несколько расширить в комсомольских ячейках политическое и высветить их политические знания, стали устраивать... политоблавы. Такая политоблава была недавно на заводе имени Карла Маркса.

Вывесили объявления: сегодня экстренное внеочередное собрание комсомольского коллектива.

— Экстренное? Что такое? Надо обязательно сходиться.

И в этот день на собрание явились даже те, кто обычно отлынивал от собраний под разными предлогами.

Когда объявили, что будет проверка политических знаний комсомольцев, многие к дверям, на-уток. Но у дверей—стража. Ребята стали бунтовать, мешая присутствию к проверке политзнаний. Все же проверка началась. Первым проверили одного из активнейших работников ячейки, бывшего зав. агитпропа. И—о ужас!—ни на один из политических вопросов, заданных комиссией, он не ответил.

— Есть ли разница между социальной и социалистической революцией?

— Не знаю.

— Что такое капитализм?

— Не знаю.

Оказалось, что не только один активист ячейки не знал, не знали и другие.

Но главная беда не в том, что не знают, а в том, что не хотят знать. Разве в Ленинграде негде активисту учиться? Разве в Ленинграде не хватает школ, кружков? Разве в Ленинграде нет заочного обучения? Все есть—только учись, пожайлуста.

Ленинградский обком комсомола организовал заочную комсомольскую школу по радио. Школа имеет всего лишь 250 слушателей. Между тем радиотелеинтернет и курсы «Морзе по радио» насчитывают по три тысячи человек, из них свыше 50 процентов—молодежь. От крупнейших заводских кол-

лективов «Большевик», «Треугольник», «Выборжец» и др. в школе поступило всего по два-три заявления.

Зачем выискивать заявления другого сорта—учиться не хотим, вышлите нас из школ.

Комсомолка Лобанова (фабрика имени Халтурина), когда ей предложили заниматься в политшколе, заявила прямо:—Ходить в школу не буду. А через некоторое время она подала в коллектив официальное заявление такого содержания:

«ОТ УЧЕБЫ ОТКАЗЫВАЮСЬ.

Отработав на производстве, я должна ехать домой, чтобы закупить продукты и приготовить себе обед. А также я должна для себя постараться повысить, кроме того, у меня есть работа, за которую я получаю деньги и которая мне поддерживает в материальном отношении, так как на 50 рублей в месяц трудно прожить.

И вот в виду плохого материального положения мне приходится работать дома и отказываться от учебы.

Лобанова».

Комсомолка Маруся Бычкова перестала посещать политшколу, потому что «нет времени, в полдень играть надо. И вообще физкультурой интересней заниматься».

Но что требовать от рядовых комсомолок, если руководящий актив не может, как следует, объяснить разницу между рабочим и капитализмом.

— Кто такой капитализм?—спрашивает руковод учениц.

— Капитализм, который ничего не делает, много ест и хорошо живет.

— Так, правильно. А кто такой рабочий?

— Это человек, который очень много работает, плохо ест, мало получает.

— Верно,—замечает руководитель,—я могу добавить к этому еще и то, что он живет в плохих жилищных условиях...

И вся политшкола соглашается с этим разъяснением, удовлетворяется им. Понятно, что при таком руководителе даже окончившая школу не станет политически грамотными.

У нас многие активисты привыкли знания заменять цитатами. Заучив несколько общепопулярнейших цитат, они ведем и сюсю, при удобном и неудобном случае жонглируют ими. И при этом убеждены, что обладают знаниями.

И грустно... и смешно...

Одного харьковского активиста, политически грамотного, как-то спросили:

— Кого, по-вашему, можно считать русскими теоретиками марксизма?

— Кого? Да вот Покровский, Засулич, Веру Фитнер.

— Пешков, Ленин—их ты считаешь теоретиками?

На это последовал бесподобный ответ:

— Да разве их всех запомнил!

— Кто, конечно, не дал, насмешлив, ни читал их произведений.

Бывает еще и так: некоторые активисты не только сами не занимаются вопросами теории, ни и другие не дают, насмешливо, ни читать их произведений.

В профшколе комсомолка с товарищем прорабатывала книгу Плеханова «Основные вопросы марксизма». Попадались масса иностранных слов: «объект», «материя». Ребята, услышав горячие споры двух товарищей, подняли их на смех.

— Нашли тоже, чудаки, чем заниматься...

— Цитаты есть. Составления в порядке. Пошлем и... ахов перепарит, что-нибудь подучит

Один комсомолец купил «Коммунистический Манифест» и стал его читать.

Пришли к нему товарищи, увидели «Коммунистический Манифест», засмеялись:

— Ого, марксист.

— Новый философ объявился.

Выходит—трудно быть марксистом в кризисных условиях.

Как обстоят дело в наших школах, готовящих новых людей.

Общественное преподавание в школах из рук явно плохо. Трудности не выводят марксистский уровень вышедших комсомолок, целиком оторвавшись от политической жизни нашей страны.

Отсюда вполне понятна та чушь и неаппетит, которую несут учащиеся при поступлении в высшую школу. И еще более ужасная политическая неграмотность у ребят, окончивших школы-пятилетки и поступающих в фабуаучки.

Несмотря на отмигивание некоторых комсомолок от политубеги и нежелание заниматься теорией, мы все же должны сказать, что основная, здоровая часть комсомола к теории тянется, поменьшему охваченная революционной теорией. Слагать о теоретическом популизме, о снижении политического уровня в комсомоле—ложь. Общій политический уровень вышедших комсомолок куда выше полторагода комсомольцев прежних лет. И сама система политического образования у нас теперь куда глубже и шире, чем год-два назад. Факт расширения сети комвузов, партшкол, кружков, семинаров и всякого рода заочных курсов: курсы марксизма, заочный институт красной профессуры и т. д.—красноречиво подтверждают это.

Интересное начинание проводит сейчас «Комсомольская Правда», организовавшая на своих страницах курс заочного обучения. Это для ребят совершенно новое дело. «Комсомольская Правда»—первая застрельщица. Поэтому комсомолки должны особо внимательно отнестись к этому начинанию.

Курсы заочного обучения рассчитаны на комсомольца-активиста, не имеющего возможности систематически проходить учебу ни в школе, ни в кружке.

Программа составлена так, чтобы дать читателю не только знакомство с основными положениями Маркса и Ленина, но и показать, как теория, связанная с революционной практикой, превращается в величайшую силу рабочего движения.

— Ого, новый философ объявился. Марксист

КАК РАБОТАЛ ИЛЬИЧ

Ст. Коршунов

У тов. Сталина есть прекрасное определение того типа работника, который нам необходим, особенно те годы, когда дела строительства требуют напряженности и в то же время чужды работы. В книге «Об основах ленинизма» он писал: «Соединение русского революционного размаха (с учетом перспектив в революционном движении и власти теории для него. С. К.) с американской деловитостью — в этом суть ленинизма в партийной и государственной работе. Только такое соединение, — продолжает он дальше, — дает нам законченный тип работника-ленинца, стиль ленинизма в работе». Лучшим примером такого типа работы является вся деятельность Ленина.

Мы все прекрасно знаем о колоссальной работоспособности Ленина, о его умении организовать свою работу, но слишком недостаточны наши сведения, и особенно у молодежи, о приемах и методах работы Ленина.

Смысла на его гениальность, которая позволяла Ленину быстро ориентироваться в массе материалов и извлекать из них наиболее существенное, недостаточно, так как Ленин, помимо всего, умел работать много и продуктивно в самых разнообразных и зачастую очень трудных условиях.

Научиться работать по-ленински, научиться использовать всюкую возможность для работы, организовать ее необходимо нашим молодым товарищам, у которых частенько можно услышать ссылки на перегруженность, недостаток времени и т. д. Во всем этом скрыто лишь бессилье организовать и свою собственную работу и работу коллектива таким образом, чтобы оставалось время для чтения, для повышения теоретического уровня. В этом смысле молодежь может многому научиться у Ленина.

В несложной работе трудно, конечно, хоть сколько-нибудь полно исчерпать тему статьи. Поэтому мы остановимся на нескольких примерах, характерных для всей деятельности Ленина, показать, как работал Ленин.

8 мая (статья везде новый) 1896 года Ленин едет за границу для установления связи с группой «Освобождение труда». Здесь он пользуется всеми удобствами, много читает и в то же время часто, останавливаясь в городах только на несколько дней, он по несколько часов проводит в библиотеке.

После выхода из тюрьмы, где он продолжал много работать, Ленина отправляет в ссылку. Ленин по рекомендации ехавшего с ним из Самары доктора Крутовского, занимается в библиотеке купца Юдина, которая находилась в нескольких верстах от города. В письме к родным он пишет: «Не так много, как можно было бы ожидать от такого большого книгохранилища (эта библиотека ныне находится в Америке), но использовал все, что было можно».

В ссылке он усиленно занимается окончанием работы «Развитие капитализма в России», пишет статьи и рецензии в различные журналы, занимается переводом, много читает. В ссылке же ведет борьбу против тогдашних оппортунистов («Протест русских социал-демократов», пишет «Проект программы нашей партии», ведет борьбу против народничества. Написанное Лениным за время ссылки составило I, II и III тома собрания сочинений. В ссылке же Ленин читает массу книг по вопросам экономики, статистики, философии и т. д.

Так как покупки новых книг стоила больших денег, а возможность в них была весьма мала, Ленин прибегает к следующему способу получать книги. Он пишет к родным письмо с просьбой брать

В своем очерке тов. Ст. Коршунов дает картину того, как работал В. И. Ленин, работал много и продуктивно в самых разнообразных и зачастую очень трудных условиях. Научиться работать по-ленински, научиться использовать всюкую возможность для работы, организовать ее необходимо каждому, кто не хочет отстать в эпоху похода за теорией

В. И. Ленин на заседании III конгресса Коминтерна. Сидя на ступеньках трибуны, записывает речи ораторов

«Наука Логик» составил материал для целого Ленинского вопроса (IX). Отрывок из этого конспекта, озаглавленный «К вопросу о диалектике», помещен в XIII томе II и III изданий сочинений Ленина. Этот конспект имеет величайшее значение, характеризующее понимание Лениным диалектики. Нет сомнения, что Ленин читал и массу других книг.

Еще более наглядно умение Ленин работать в самых труднейших условиях в то время, когда он стал руководителем советской власти.

Для примера приведем следующие факты. 1918 год был годом интервенции. В это время создавалась советская власть. Напряженная деятельность Ленина была направлена на организацию обороны от белоказаков, на борьбу голодом, на кулацкими восстаниями внутри страны, на организацию промышленности и управления. Деятельность Ленина в этот период трудно поддается учету. Мы берем только несколько дней ноября, произвольно нами выбрав, потому что все остальные дни не имеют характера.

Помимо работы в Совнарком, Совете Обороны и Центральном Комитете партии, отнимающей массу времени, Ленин 6 и 9 ноября трижды выступал с докладами и речами на VI съезде Советов, на заседаниях Всероссийского и Московского Советов профсоюз и, на вечере 19-го декабря. 7 ноября также выступал трижды: на открытии памятника Марксу и Энгельсу, на открытии мемориальной доски на Красной площади и на зинитинском съезде Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. 8 ноября Ленин выступал с до-

книги из тамошних библиотек и пересылать их в ссылку.

Мало того, он договаривается с Марией Ильичоной, чтобы она делала вписки в Рузницкую библиотеку из различных книг и материалов, нужных Владимиру Ильичу для работы.

Не меньшую работу вел Ленин и находясь в тюрьме. Арестованный в ночь с 20 на 21 декабря 1895 года, Ленин все свое более чем годичное пребывание в тюрьме использует для разработки материалов к книге «Развитие капитализма в России». Но в то же самое время не оставляет политической работы. Так, в тюрьме он пишет проект и объяснения программы социал-демократической партии. Эта работа Ленина написана в целях конспирации молоком через строк одной медицинской книги. Уже из этого видно, насколько Ленин мог использовать все возможности для своей революционной работы.

Вот еще другие примеры деятельности Ленина. В сентябре 1914 года Ленин переезжает из Галиции в Берлин. Здесь он, помимо большой революционной работы, находит возможность ежедневно на несколько часов посещать берлинскую библиотеку. За период от сентября до декабря 1914 года Ленин продолжает громадную работу.

Пишет тезисы о задачах революционной социал-демократии в империалистическую войну. Пишет письма зарубежным секциям большевиков и в Россию. Пишет доклад записку ЦК РСДРП о войне. Читает рефераты и доклады и выступает против Плеханова, Мартова и др. Организует и редактирует «Социал-Демократ», пишет в ней многочисленные статьи. Заключает статью «Карл Маркс» — лучшее издание учения Маркса и Энгельса. Ведет громадную переписку с товарищами. Ведет большую работу по сплочению интернационалистских элементов в рабочем движении. И в это же время Ленин изучает важнейшие сочинения Гегеля. Конспект с замечаниями Ленина к книге Гегеля о войне.

Кабинет В. И. Ленина в Кремле

ширшим докладом на VI съезде Советов и с речью на заседании комитетов бедноты Московской области. В это же время Ленин заканчивает свою брошюру «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

Следующий пример еще более наглядно показывает типичный для того времени облик работы Ленина за неделю. Мы берем февраль 1920 года):
5 февраля — суббота.

От 11 до 1 часа Ленин председательствует на заседании Экономической комиссии Совнаркома.

С 1 до 5 часов — заседание Политбюро, от 6 часов вечера пишет письма и просматривает телеграммы.

От 8 часов вечера опять заседание Политбюро.

6 февраля — воскресенье.

От 11 до 1½ час. — Выходит с речью на съезде работников швейной промышленности. Пишет письма, читает материалы Политбюро и телеграммы, дает ряд поручений секретарю.

Вечером принимает посетителя и пишет письма, просматривает ведомость книг и брошюр, полученных из-за границы ИККИ, просит прислать две иностранных книги.

1) Проф. Николаи. Шесть фактов, служащих основой для суждения о сегодняшней политике власти.

2) Ф. Юнг. Путешествие в Россию.

7 февраля — понедельник.

От 11 часов утра занимается текущей работой, пишет статью о работе Наркомпроса, пишет письма и принимает посетителя.

От 8 часов вечера — подписывает телеграммы. От 10 часов вечера — заседание комиссии Политбюро для редактирования тезисов по национальному вопросу к X съезду партии.

8 февраля — вторник.

От 11 часов дня ведет текущую работу, от 12 до 3 час. дня заседание Политбюро, от 6 до 10 часов вечера заседание Совнаркома, от 10 до 11½ часов вечера заседание Совета Труда и Оборона.

9 февраля — среда.

От 11 часов утра — прием посетителей.

От 6 ч. веч. заседание Совета Труда и Оборона.

На заседании просматривает ведомость книг и брошюр, полученных из-за границы ИККИ, просит прислать следующие книги. Дает задания книг в переводе:

1) Франц Меринг. Фрейлграт и Маркс по их переписке.

2) Фр. Энгельс и К. Маркс. — Создание государства и коммуны.

3) Г. Н. Брейлсфорда. Война стали и железа.

4) Каган-Коутс. Жизнь и творчество Фридриха Энгельса.

10 февраля — четверг.

С утра ведет текущую работу.

Вечером на час уезжает на прогулку за город.

От 10 до 12 часов вечера — заседание хлебной комиссии СТО.

От 11 до 1½ час. — заседание экономической комиссии. Затем принимает посетителя.

От 6 до 11 час. вечера — заседание Совета Труда и Оборона.

В 11 часов 50 минут уехал на прогулку в Сокольники, вернулся в 1 час 20 минут ночи.

Такова рабочая неделя Ленина. Необходимо сказать, что на заседаниях Ленин писал записки товарищам, просматривал материалы, давал поручения секретарям и даже писал статьи.

1) Более подробно об этом периоде см. в III номере «Ленинских Известий» материалы, собранные М. Галер.

Характерно отношение Ленина к читаемым книгам. Из интересной книги Ленин делал значительные выписки, комментировал своими словами непонятные места, вставлял свои замечания. Большой частью эти замечания представляли величайший интерес. Так весь IX Ленинский сборник составлен исключительно из замечаний Ленина на книгу Гегеля «Наука Логик». Выходящий в скором времени XII Ленинский сборник также целиком составлен из конспекта Ленина на книги (главным образом, Гегеля) философского содержания.

В некоторых книгах Ленин подчеркивал наиболее важные или наиболее сомнительные места, делая пометки на полях. Теперь известно, какое значение имеют эти замечания и подчеркивания.

Так, например, заметки Ленина на книгу т. Бухарина «Экономика переходного периода» много способствовали в усилении неверных взглядов тов. Бухарина на ряд важнейших вопросов (империализм, классовые отношения в эпоху диктатуры пролетариата, общие методологические установки тов. Бухарина, его зависимость от взглядов не-марксиста А. Богданова и т. д.). Наиболее интересные книги Ленин читал по несколько раз. Н. К. Кружская вспоминает, что во всякий трудный момент Ленин перечитывал сочинения Маркса и Энгельса. При чем Ленин не просто читал, а изучал интересующие его произведения.

Любопытный пример такого изучения составляет его разбор протоколов II съезда партии, предпринятый им перед написанием брошюры «Шаг вперед, два шага назад». Он тщательно отмечает все страницы протоколов с выступлениями всех ораторов съезда, подсчитывает число выступлений каждого оратора (на съезде Пеханов выступал 70 раз, Мартов — 145, Ленин — 110, Троцкий — 79 и т. д.), составляет набросок конспекта протоколов, делает подробные характеристики делегатов по их выступлениям, определяет состав различных групп делегатов съезда и типы голосований, группировок на съезде и т. д.

Мы не исчерпали и сотой доли тех примеров, которые иллюстрировали бы характер работы Ленина, но и сказанное достаточно убедительно рисует облик Ленина, как работника. Наша молодежь должна всемерно учиться у Ленина тщательности, внимательности в работе, работоспособности, умению организовать свой труд. Не надо думать, что Ленин гнул себя простой технической работой. Ограниченный средствами, он часто сам переписывал свои произведения для размножения. В Институте Ленина хранятся копии его произведений («Шаг вперед, два шага назад»), написанные от руки через копировальную бумагу. Он сам делает многочисленные выписки из газет.

Нужно потратить время на изучение не только произведения Ленина, но и приемы и методы его работы. Это многому может научить и помочь. Помещение верхолазства и расчета на свои способности. Побольше внимательности и серьезной, продуманной, усидчивой работы, — вот чему учит опыт работы самого Ленина.

ЗАВОД И ВУЗ

Практикантка за работой в литовом цеху завода «Динамо».

ПОТОМСТВЕННЫЙ ПОЧЕТНЫЙ

Р. Роман

Рис. Б. ПРОРОКОВА

— У меня, брат, нутро марксистское...

Никому Иван Пуговицы так болезненно не завидовал, как Павлу Мухортину. Завидовал он не широким плечам Павши, не его энергичной походке враскачку. Приняла зависть лежала гораздо глубже.

— У меня, брат, нутро марксистское. Мне эти всякие завистлики не при чем,— говорил Павел Мухортин и принципиально не ходил на занятия политкружка.— Как я есть потомственный почетный пролетарий, так, значит, от рождения марксист.

Эти слова для Ивана Пуговицы были как финка в бок.

Он не мог похвастать рабоче-крестьянским происхождением, и в жилах его текла не марксистская кровь. Однако от политкружков он отлынивал не менее усердно. Отлынивание это началось с того момента, когда он, прибыв в ячейку окружного управления из провинции, соблазна, не подумав, что был он там агитпропом и даже руководителем кружка.

Эта ложь явилась следствием трусости. Так слабый человек иногда халится своей силой, боясь, как бы его кто-нибудь не ударил.

Пуговицы страшно боялся, как бы его кто-нибудь не прожизменовал по политическим вопросам. Это заставляло выдать его соблазнить такие страшные слова, как «я был агитпропом», «я был руководителем».

Но если в нем не текла марксистская кровь, то зато кровь его папашин — самого оборотистого из черниговских прощолов — помогала ему проделывать в ячейке окружного управления чудеса эквилибристики.

Политической он не занимался, так как бессильные Чан Кай-ши, прибалованные стоимости и трюкизмы напоявшая его священный трепетом, а обнаружить свою полнотрагичность он боялся. Однако он не только делал серьезные, повиновавшие люди, когда на собрании шла речь о финансовом крахе в Америке или о контрольных цифрах Госплана, не только прилежно голосовал (конечно, всегда с большинством), он иногда рисковал выступить.

— Я, товарищи, целиком присоединяюсь к мнению предыдущего оратора... Предлагаю прекратить прения и приступить к голосованию.

В затрундительных случаях (когда, например, было трудно на-газ определить, за какое предложение большинство ячейки) Пуговицы голосовал всегда вместе с Мухортиним.

Этот «марксист» от рождения и был для Пуговицы коммюсом, указывавшим путь в бурных волнах ячейкового плавания.

Под конец Пуговицы окончательно осмелел. Он рисковал оставаться в меньшинстве, даже вдвоем с Мухортиним.

За широким плечам «потомственного почетного пролетария» он чувствовал себя как за каменной стеной.

Мухортин пригрозил и приволок Пуговицына.

— Ты, Ваня, не робь. Ты за меня держись. Ни одна книга тебе столько не даст, сколько я, ни один тезис так не поддержит.

— Да я и так...

— Я, брат, нутром... Они: «Ленин сказал, Маркс сказал, тот сказал, этот сказал. А я ив в ответ!» — я сказал. Я чуть какое сложное дело, сам к себе прислушаюсь, выведу генеральную линию и грохну слеча.

Павел Мухортин действительно грохал слеча. По всем вопросам он выступал со своей точкой зрения и произносил громовые речи. Говорил он убедительно.

И вдруг все полетело куварком. Из-за пустяков, из-за того, что Пуговицы пришлось выступить вне очереди.

Только что услед докладчик из райкома закончить свой доклад об ошибках Бухарина, как Пуговицыну было предоставлено слово. Он усвоился выступать после Мухортини, но председатель перепутал список ораторов.

Лишенный «коммюса», лишенный возможности присоединиться к мнению предыдущего оратора, так как Мухортин строго-настроено велел не присоединяться («Бузу порет...» — сказал Мухортин по поводу райкомшица и вышел покурить), подошел Пуговицы к столу, задумался и начал свою речь.

— Товарищи, — начал он, — предыдущий оратор порет... бузу. Товарищ Ленин по

этому поводу сказал... то же самое. Сталин на последнем съезде...

— Крой, Ванюшка, — гулко прозвучал в наступившей тишине голос вернувшегося Мухортини.

Пуговицы приободрился. Его смущала лишь необычайная тишина в зале и вытаращенные глаза президиума. Но, следуя указанию своего «коммюса», он принялся «крыть».

— Еще Маркс сказал... Мы, чистые пролетарии, должны выступить против демагогии райкома и в конце отсмеяться от докладчика. Я кончил.

Зал пришел в движение. Послышались возмущенные голоса:

— Правый уклон!

— Долой его!

— Пра-а-виально! — перебивая всех, орал «потомственный почетный» Мухортин, — не дадим Николаю Ивановичу в обиду.

— Слыхайте, ребята, да вы же абсолютные неведьки, — разводила руками агитпропша райкома.

— Ну, скажи ты, — обратилась она к Пуговицыну: какой у нас был последний съезд партии?

— Не-е знаю... — жалобно протянул Пуговицына.

— Мы, как пролетарии, мы от рождения марксисты... — промямил Мухортин.

— От рождения, говорюшь? — прищурив глаза агитпропша, — то-то и видно, если в уклон попади.

— Мы, в уклон? — вытаращился Мухортин.

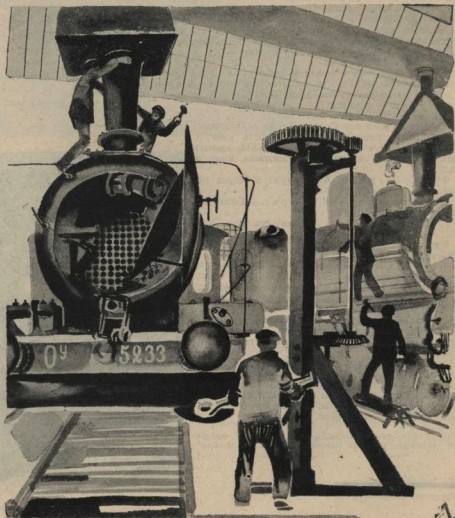
— Имено.

— Ленин сказал... — пискнул Пуговицына.

— Ленин сказал: учиться, учиться и учиться, — прервала агитпропша, — вот, что сказал Ленин! — повторила она, ставя резолюцию: «В политкружок пониженного типа».

ДАДИМ ПАРОВОЗЫ — ТРАНСПОРТ!

Рис. В. ЛЮШИНА

Ударная бригада в железнодорожном деле М.-В.-П. ж. д.

„НЕИСТОВЫЙ ВИССАРИОНУЧ“

Дм. Лебедев

В сухих протоколах ЦК большевцев записано 24 февраля 1918 года:

— Тов. Сталин ничего не предлагает, но говорит о той боли, которую он испытывает по отношению к товарищам. Его порывает быстрота и натиск их, когда они прекрасно знают, что нечем заменить, и ставит вопрос, зачем они это делают.

Это — при обсуждении отставки ряда крупных работников партии, разошедшихся с Лениным и с большинством партии по вопросу о германском ультимате.

В самые острые минуты внутрипартийной борьбы, когда оппозиционные страсти толкали любителей эффектной фразы очень далеко от большевистской партийности, Сталин напоминал об одном: о партии, об обязанностях большевика, о железной дисциплине, которой требует от нас революция. С простотой воина, с пламенностью агитатора, с убедительностью ученого он говорил об этих простых вещах, которые забывались, — иногда бессознательно, а чаще сознательно, — героями «левой и правой фразы».

Хранитель лучших традиций большевизма, вернейший ученик Ленина, «железный солдат революции», как его называют в своем обращении ЦК, «любимый вождь, непреклонный боец и дорогой товарищ», как говорит МК, — таков Сталин.

Имя Сталина стало для всех партия символом непреклонной воли, революционной страстности, большевистской непримиримости и стойкости.

— Можете не сомневаться, товарищи, — говорит Сталин в своем ответе на приветствия, — что я готов и впредь отдавать делу рабочего класса, делу пролетарской революции и мирового коммунизма все свои силы, все свои способности и, если понадобится, всю свою кровь, каплю за каплей.

Вся жизнь Сталина — жизнь, секунды и минуты которой были отданы великой партии рабочего класса — лучшей гарантии того, что эти слова не разойдутся с делом.

Ибо величайшим свойством Сталина, обеспечившим ему выдающееся положение в партии, — свойство, которое является створой природой каждого ленинца, — является то, что у него слово никогда не расходится с делом.

«... Марксизм был его стихией, в нем он был непобедим. Не было такой силы, которая бы вынудила его из раз занятого положения. Под всякое явление он уносил полноту соответствующую формулу по Марксу... В Закавказье Коба сила, как второй Ленин. Он считался лучшим знатоком марксизма.»

«... Когда в 1909 году на первый день партии первая рота Сальненского полка прогнала через строй, избивая всех политический корпус, Коба шел, не сгибая головы под ударами прикладов, с книжкой в руках...»

«Это писал о Сталине в белогвардейских «Днях» эмигрант-асер Берешак, который вовсе не прочь был ползополыхать — ставить по адресу вождя большевистской партии, которого уже никак нельзя было обвинить в недостатке эсерской невинности к Сталину, белогвардейский журнал «Донская Волна», с бешеной злобой описывавший работу Сталина в Царицыне, не может не отметить того же свойства железного большевика: необъяснимой твердости, беспощадности во всем, что касалось революционного долга.

«Это пишут враги. Друзья говорят то же. Но то, что врагов вызывает животную ненависть, вызывает в нас восторг перед Сталиным, перед партией, которая воспитала и закаляла его в бою.»

В 1919 году, когда положение на южном фронте было особенно острым, Сталин был послан туда. В короткое время он изучил боевую обстановку, переработал тактические планы, доказав несостоятельность намеченных маневров и в решительной форме сообщила Ленину о необходимости

радикальных мер, которые изменяла бы позорная и натиск их, когда они прекрасно знают, что нечем заменить, и ставит вопрос, зачем они это делают.

« Без этого, — пишет он, — моя работа на южном фронте становится бессмысленной, преступной, неуверенной — что дает мне право, или, вернее, обязывает меня уйти куда угодно, хоть к черту, только не оставаться на южном фронте.»

Весной того же года, под Петроградом, в самые опасные минуты для республики, Сталин решительно вмешивается вопреки мнению в 4 м морских свечей. Спецзаявления протест. Они указывают, что намеченный Сталиным план ставит вверх ногами всю морскую науку.

Сталин непреклонен.

— Мне остается, — указывает он, — лишь оплакивать так называемую науку.

— Можете быть уверены, — пишет Сталин в 1918 году Ленину из Царицына, — что не понадеясь никого, ни себя, ни других, а хлеб все же далим.

Таким был Сталин на фронте. Таким был и остался в годы мирного строительства в качестве вождя партии, ее выдающегося организатора и последовательнейшего ленинца.

«Неистовым Виссарионом» его называли в ссылке. Там он был окружен легендой, и о нем рассказывали, как о человеке, который может улетучиваться из-под какого-нибудь коновья и в какой-нибудь обстановке. В 1913 году его затравили в Курейку, где, как зловеще, маленькую северную деревушку в Туруханском крае, далеко за полярным кругом, куда даже в весенние навигационные месяцы редко-редко заходил пароход.»

Цемский пишет в своих воспоминаниях: «Того заправский чадал полярной Туруханки, он окружил себя таким ворохом кетов, неводов, морд, самоловов, переметов, салянов, плавшек и дробовичков, что каждый, попавший у него, думу давался. Сталин неводина, добывал подледную острину, сам потрошил ее и даже сам изготовлял

орудия производства, т.е. невода и сети. Разумеется, ему же самому приходилось рубить дрова а лесу, чтобы обеспечить себя топливом на долгую зиму, варить себе пищу и проч. Вся эта возня не мешала ему работать над некоторыми своими производственными этюдами.»

Железный солдат революции остался таким же и в скончанной льдом полярной стране, через годы побегов и сысков, играя со смертью, он вынес своей непоколебимой большевистский этюдизм.

— Чтобы строить, надо знать, надо овладеть наукой, надо учиться. Учиться упорно, терпеливо. Учиться у всех, — и у врагов, и у друзей, особенно у врагов. Учиться, стиснув зубы, не боясь, что враги будут смеяться над нами, над нашим невежеством, над нашей отсталостью. Перед нами стоит крепость. Называется она, эта крепость, наукой, с ее многочисленными отраслями знаний. Эту крепость мы должны взять во что бы то ни стало. Эту крепость должна взять молодежь, если она хочет стать действительной сменой старой гвардии.

«Это говорил Сталин на VIII съезде ленинского комсомола.»

Учасу у Сталина, вооружаясь его железной волей, его большевистской непоколебимостью, его пламенной страстностью революционера, комсомол сует с неслышно поглотить долг, к которому обязывает его пролетарская революция.

С. Шестаков

НАШ ПЕРЕЛЕТ

Наш перелет был начат 23 августа в Москве и закончен 1 ноября в Нью-Йорке. Таким образом, за 2 месяца и одну неделю при неблагоприятных атмосферных условиях (был 24 этапа перелета лишь четыре этапа можно отнести к сплошным) при такой порче и смене моторов немецкого производства, вынужденных посадках, мы пересекли весь континент от запада до востока.

В Америке если кто и было известно о Советском Союзе, так это то, что мы все ходим с бородами и большими штормами. В таком виде нас рисовала американская пресса. Я сам видел подобные рисунки в одном журнале.

Самолет нашей советской конструкции превосходил по туну все самолеты, которые мы видели в Америке и даже в Западной Европе. Я говорю это со слов американских военных специалистов, которые завывали, что наша машина — замечательная и что у них таких машин нет. Между прочим, один военный специалист, осматривавший машину, сказал:

— Замечательный самолет. Наш советский мотор в большом перелете 1927 года работал без чистки 103 часа. В перелете же «Страны Советов», имея немецкие моторы, мы вынуждены были за 141 час полета менять моторы два раза. Один у нас испортился в Иркутске, так что его пришлось чинить четыре дня при ветре и дожде.

Еще один интересный случай был, когда мы летели через океан, из Сетики в Ситку. Мы могли лететь без проблем. Но тогда нам надо было покрыть 1100 километров, по прямой же линия расстояние укорачивалось до 900 километров. Мы предпочли лететь по прямой. И вот на середине пути у нас испортился левый мотор. В океане в это время был шторм, а мы шли над самой водой, временами поднимаюсь

до 50 метров, временами снижались, стараясь не зацепить подлазками больших волн. Шли мы против ветра.

Возвратиться назад — означало пройти не менее 400 километров — 300 километров, которые необходимо нам пройти берегом, мы шли три с лишним часа. Таким образом, путь, который можно было покрыть в 5 часов, мы сделали за 8 с лишним часов, но зато дошли на одном моторе до Ситки.

Ситка — сейчас глухое место, хотя когда-то этот город был столицей Аляски. Главная власть в Ситке — полиция. По странной иронии судьбы на долю этого попа и выпала мало приятная для него обязанность встречать советских делегатов.

Океан, над которым мы летели, называется Тихим, но он очевидно в шутку назван так Берингом. Во время нашего перелета он был настоящим великим, бурным океаном, с большими бурями от берега до берега. Ветер, по записи тов. Стеригазова, от Ату до Уналашки дул со скоростью 90 километров в час. Дух он нам и хвост, и благодаря этому наша скорость достигала 250 километров в час.

В Ватерполе (небольшой рыбный заводик) нас встретили один американец и финн Эриксона. Этот финн поведил нас во время установки мотора.

Мы попросили Эриксона передать с ближайшей радиостанции составленную нами кое-как, с помощью английского словаря, телеграмму на ближайший пункт нашего дальнейшего маршрута. Будучи уверена в том, что Эриксон послал телеграмму, мы проработали целый день над подготовкой безопасной стоянки для самолета, бросили лить больших якорей, приваляли самолет канатами к берегу. Ответа так мы и не получили. Тогда я решила поехать на радиостанцию. Когда я попросил у Эриксона катер, он сказал:

— Видите ли, катер не исправен, механик болел. Я хотел нанять другой катер, но владелец катера под давлением Эриксона тоже отказался предоставить нам его. К этому времени я успела немного выучить английский язык и со слова-

рем в руках убедил Эриксона, что если нам откажут в помощи и соделении, я сообщу куда следует, и они будут иметь неприятности.

Возможно, что под воздействием угрозы, а может быть упрямый финн пошел, наконец, в чем дело, но катер неожиданно оказался исправным, механик здоровым — и мы поехали. Потом мы узнали, что никакой телеграммы Эриксона не послал.

Десять суток пробыли мы в Ватерполе. Работать приходилось все время под дождем, и Сети, где мы должны были сменить поплавок на колесо, продолжительно казался нам недоступным.

Начиная с Сетила час встречали уже американцы: представители аэроклуба, военной полиции, представители коммерческой палаты, власти и рабочих.

Встречи были разнородными по своему характеру. Американские власти «охраняли» нас, как они завывали, от возможных нападений безобразнейших, находившихся на территории Соединенных Штатов и готовивших «достойную» встречу для людей, у которых руки в крови Николая Второго. Положение на мотоциклах сопровождала нас спереди, ждала и по бокам, оставаясь движением по городу. В гостиницах тоже была установлена охрана.

О встречах с рабочими мы сохраняем самые лучшие воспоминания. В нам отчетливо представляется видение нашего пребывания в Америке рабочих организованных обществом друзей Советского Союза. Эта стихийно возникшая организация после нашего отъезда была закреплена рядом многочисленных конференций. В настоящее время на территории Соединенных Штатов имеется общество друзей

Советского Союза с многочисленными отделениями. Симпатии и интерес к Советскому Союзу выражаются во всем, что мы видим и слышим приехав в Нью-Йорк. Нью-Йорк продало 25 тысяч билетов на стадион. Несмотря

на холодную погоду, все места были заняты. Это же общество друзей Советской России решило послать подарком Советскому Союзу. В Нью-Йорке мне была вручена китанция на отосланные в Сельскохозяйственных 15 тракторов. Общее количество подаренных тракторов превышает 25.

На аэродроме

Подарки, встречи, просьба передать дружеский привет рабочим и крестьянам СССР от трудящихся Америки — все говорит о том, что мы имеем πολλых друзей и за пределами СССР. Наши друзья уверяли нас, что в минуту опасности СССР в их лице будет иметь активных защитников.

Экипаж «Страны Советов» выполнил свою задачу, и уже одно это является нашей наградой.

Е. Болотов

КАК НАС „СПАСАЛИ“

Самолет «Страна Советов» конструкции инженера Туполева оказался прекрасным во всех отношениях. В нескольких словах хочу рассказать читателям «Смены» о мелких неудачах и большой радости, связанных с перелетом.

Уже в Хабаровске, когда самолет был поставлен на поплавок, нас постигла неудача. Не был как следует отрегулирован поплавок, и в результате — после первого взлета — перегруженный самолет не мог опуститься от воды. Пришлось задержаться на сутки. Когда работа была окончена, мы уже из-за погоды вынуждены были

Жизнь Советов

удержаться еще на одни сутки. В Никольске летели по прямой линии, над морем, погода на этот раз благоприятствовала нам. Из Никольска вылетели также с полной нагрузкой на Камчатку и в Петропавловск. Главная особенность Тихого океана, что — туман, ветер и сильный дождь в одно и то же

была меньшая волна и меньший ветер. Подошли, остановили мотор, отдали якорь и вдруг замечаем, что якорь нас не держит, больше того — нас несет вместе с якорем. Поблизости оказались несколько американских катеров, один из которых взял нас на буксир. Другой все время вертелся поблизости, чтобы дать возможность кинооператору, находившемуся на его борту, снимать нас.

Мы сели, а через несколько минут после посадки я и развалился штуром. Два катера еле-еле дотянули нас до бочки, находившейся на расстоянии 200 саженей от нас.

Этот случай дал повод думать американцам, что они спасли «Страну Советов» от гибели и эта «сенсация» не замедлила попасть на страницы американских газет. Фактически никакого спасения не было. Мы свободно могли бы этого «спасения» избежать, запуская мотор и дрейфуя. Однако опровержения было посылать некогда, и сенсационное сообщение мы оставили на советских газетах, его помпешивая.

В Стюарде, куда мы затем прилетели, база для са-о-лет оказалась скверной: бухта шириной в два километра, посредине которой находилась бочка.

Из Стюарда в Ситку пришлось лететь тоже в неблагоприятных условиях. Должен отметить интересный факт. В Ситку, на местечке, расположенного на 250 километров, приехали на катере делегаты от рабочих. Они не знали наверно — встретят ли нас, но все-таки высказали, чтобы оказать помощь и поддержку, если бы это потребовалось. Это лишний раз характеризует те симпатии, с которыми встречали нас рабочие массы Америки.

Несколько слов о приеме, который нам был оказан. Энтузиазм встречавших буквально не имел границ. Несмотря на то, что всех рабочих, выходящих на митинг, предупреждали, что нельзя касаться политических вопросов, представители рабочих говорили «за открытие», а на одном митинге негритинка закончила свое выступление возгласом:

— Да здравствует Советский Союз во всем мире!

Ни на одном из аэродромов полиция не смогла удержать рабочих, желавших встретиться с нами. В Снетле, когда мы прилетели туда, встречавшие

никак не могли подойти к нам, потому что мы стояли на осере, но, когда самолет шел на посадку, женщины с цветами в руках, по колено в воде стояли, чтобы быть поближе к самолету, и бросали нам цветы.

● Д. Фухаев

НЕМЕЦКИЙ МОТОР ПОДВЕЛ

Первая вынужденная посадка была в Челябинске. Что случилось с мотором германского изготовления, объяснить слишком долго: одним словом, не ладилась смазка. Исправив дефект, мы вылетели, но уже в Хабаровске пришлось сменить мотор. Работать по смене мотора приходилось на воде, без посторонней помощи. Одной рукой держались, чтобы не упасть в воду, другой работали. На этом деле мы потеряли девять дней.

На десятый день мы полетели. В Снетле мы ничего не меняли. В Снетле же была последняя вынужденная посадка мотора. В общей сложности ушло на починку и замену капризных немецких моторов.

Последний перелет, как и перелет из Москвы в Тькин в 1927 году, окончилось неудачей. В том, что нам нужен свой, советский мотор для того, чтобы лучше выполнять наши обязательства.

● Б. Стерганов

ОПРАВДАЛИ НАДЕЖДЫ

Перед перелетом, вместе с ЦАГИ и под его руководством, вынашивался вопрос — может ли сухопутный самолет «Страна Советов» лететь над морем. Эту задачу удалось разрешить не сразу. Только через полтора месяца работы на Азовском и Черном морях удалось доказать, что машина может считаться морской. Перелеты совершались через все Черное море, чтобы убедиться, что мы сможем водить машину по морю на большие расстояния. Там же производилось испытание и радиосвязи.

По установлению Осоавиахим перелет должен был быть обеспечен радиосвязью. Для этого мы занялись установкой и испытанием специальной, собственной, радиостанции, работа которой давала прекрасные результаты и при испытании, и при перелете через океан. Пока мы работали на Черном море, тренируясь сами и испытывая прибор и самолет, шла организация баз в Сибири и особенно по морскому участку.

Вот эта подготовка и способствовала успешному завершению перелета. Реализация его была уже скорее прилетным делом.

В двенадцатом отношении мы прилетели свои, независимые от зарубежных методов и в большинстве случаев свои приборы.

В перелете «Страны Советов» со-

Экипаж «Страны Советов» на митинге в Нью-Йорке летелью

у Форда

время. Этого мне никогда не приходилось наблюдать на Балтийском и Черном морях. В Петропавловске нас подкараулила новая беда. В тот момент, когда мы подруливали к гавани, навстречу вышли два катера и основательно стукнули по посадку самолета. По счастью, обошлось без аварии.

Из Петропавловска мы направились на небольшой, почти необитаемый остров Ату. Все население острова — несколько адеутов с большим любопытством осматривали невнятный им до сих пор самолет. В Ату мы не задерживались и полетели в Уналашки.

Нан не рекомендовал лететь. Капитан «Красного Витязя» говорил:

— В такую погоду я не всегда бы рискнул выйти в море.

Но раз перед нами была поставлена определенная задача — надо было лететь. Несмотря на сильный ветер, волны, достигавшие 30 метров вышины, мы благополучно прилетели на остров Уналашки и были встречены американским катером «Челси».

Дать посадку пришлось на причальной волне. К причальной волне и не рискнул подойти, так как она стояла на сильном ветре, и реиня зайти за мысок, где, как мне казалось,

Сосиски пулеметом

Рассказ Г. Добжинского-Дивз

Рис Е. РАБИЧЕВА

ЧОРТ бы побрал браслетные часы и эти пароходы! Преставите, снучу на «Карле Либихште», вздумал закусьить и только хотел зашвырнуть колбасную кожуру в бумажке, подалее в Кошу, — трах — трах — о палубный железный столбик! — Стекло удребеги, внутри что-то попортилось, а ведь в вашем проклятом городишке...

— Напрасно вы так думаете. Пройдите по той улице, что идет от самого рынка к пароходной пристани. Только сперва не забудьте взглянуть в трехокошную хатку, над делькой которой болтается вывеска элегантного одетого мужчины с заржавленной головой. Под вывеской надпись: «Вход к портному к Ривкинсу». Ну, так вот. Заходите к Лейбе и спросите, не там ли часиков Фром Исакчя. Если его там нет, то идите до самого берега Кошки, пока не уперетесь в большой каменный амбар.

Возле этого амбара и увидите вы маленькое окошечко, а за ним часы с добрый «монастырский» казан и нелициня. Эти часы во время девицкины слезину один русский мячман с английского парохода. Фром Исакчя выменял их у того мячмана на триконые брочки с прохванными колечками и почти совсем новый пиджак, а всего с двумя запятками на локтях. Моряк потому и уступил такую диковинную вещь дешевле своей цены, что вздумал задать тигу от безлаз, а в таком случае самый плохой гражданский костюм может быть человеку куда нужнее часа, будь они фирмы самого Арона Мозера.

Фром Исакчя засовывал в карман длинного сортука газету, свингая на самый заточенный продавательный котелок и, вздывая широкие полотняные панталоны, цинке тугой горничной песку, шел к своему другу — портному Лейбе Ривкинсу.

ОБЫКНОВЕННО Чижик, войдя в портняжную, молча кивал приятелю головой, усаживался около верстака на высоком искрашенном табурете, доставал из вытертого картонного футляра очки, тщательно протирал стекла и с важным видом углублялся в чтение разостланной на коленях газеты.

Лейба продолжал быстро жить, откусывая корончатые ниточки и выжидаательно поглядывая на своего приятеля. Через несколько минут часиков с успехом сидел на кончик носа, задумчиво устремлял на Лейбу серо-голубые глаза и, пощипывая хлостик рыжей бороды, спрашивал:

— А знаете ли, о чем я думаю, Лейба?

Портной поднимал голову и спрашивал:

— А откуда мне знать, что вы думаете, господин Чижик?

Часовник выдерживал долгую паузу и только затем наносил решительный удар:

— Я думаю поступить в Союз Двуглавого Орла.

Лейба поворачивал к нему изумленное лицо, хотя его правая рука мелькала все то же быстрой, пришивая пуговичку или наметывая подкладку.

— Да, да, — совершенно спокойно продолжал Фром Исакчя. — Я решил поступить в черную сотню. Почему? А потому, что это самая правдивая партия. Что они пишут в программе? «Бей жидка». А что они делают? Бьют жидка. А у разных так прогрессистов и социалистов выходит то же, что было во время войны с магазином Майсона. На вывеске написали чай, кофе, табак, папиросы, а войдите внутрь — ни чая, ни сахара, ни папирос...

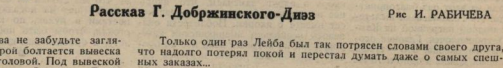
И, спрятав глаза в мелкие-мелкие складочки, Чижик первый задвигается тоненьким, довольным хохотом, а ему идет сигналовый смех Лейбы, пока портной не закашляется и не начнет хвататься за тощую грудь, умоляюще глядя на приятеля и крутя перхучатой головой.

Чижик снова расстался на коленях газету, прятал глаза за очки и погружался в чтение...

— А знаете ли, о чем я думаю, Лейба? — раздавался через несколько минут его успокоенный голос.

Портной продолжал работать, заранее смехливо щуря глаза и вылизывая кончик языка уже слегка убаюканной губы.

Он привык к ядовитым шуточкам Фрома Исакчя и давно уже ничему не удивлялся...

ЭТО случилось как раз в те дни, когда городок утопал в жемчужной пене белых казачьих, когда южное солнце еще не переналило за свой весенний джаский предел, а где-то, далеко-далеко за Днепром, слышались такие громы, словно кто-то бросал на мостовую огромные тисы железа. Брал: «бух!» и тотчас же уларит по листу сапогом: «бах».

Фром Исакчя приходил к портному пасмурный, бледный, не отрываясь от газеты, или водил пальцем по маленькой раной карте, разложенной на верстаке. Потом черню свертывал и то и другое, выдвигал котелок на самые орны и коротко рычал на ходу:

— Нани с боем отступили от Маячки... Или:

— Знаете, белые банды уже на подступах к самому Днепру... А в Одессе господа офицеры устроили еврейский погром...

И, не взглянув на приятеля, спешно уходил на рынок, толкаясь среди толпы, торчал около хуторских возов, чутко вслушивался в разговоры и тревожно присматривался к лицам...

Только однажды, когда глухие удары банды особенно слышны, Чижик, не поймав глаза от газеты, задал свой обычный вопрос:

— А знаете ли, о чем я думаю, Лейба? — В те дни приятель портной уловил что-то тревожное, отчего не подал обычной реплики и только молча устремил на него алхорядно горничные глаза.

— Я думаю, без обычной паузы продолжал Чижик, — что сюда тоже подойдет банды и в нашем городке будет большой бой, Лейба. И я хочу купить себе пулемет.

Лейба вынул руку из рукав кутану. Она прокатилась по верстаку, спрыгнула на пол и побоекала в дальний угол.

— Пулемет? — переспросил он. — Настоящий пулемет, из которого убивают людей?

— Да, Лейба, да, — с грустной торжественностью подтвердил Чижик. — Настоящий боевой пулемет, из которого можно много-много людей. И знаете что, Лейба? У нас есть знакомые заказчики среди хуторян. Я слышал, что некоторые наладили с войны разных там винтовок-минометов, пулеметов и еще я знаю что? Найдем мне один хороший пулемет, Лейба.

— Да у кого же я могу найти один хороший пулемет? — растерянно развела руки портной.

— Порядочный еврей-еврей всегда найдёт, что он желает купить, — уверенно проговорил Чижик и прибавил тоном, не допускающим возражений: — Один хороший пулемет, из которого можно стрелянуть тысячу раз в секунду. И эти... как их? Ну вот, что нужно для того, чтобы ружье выстрелило.

— Порох, — подкасал портной.

— Ну да, порох. Который называют на ленте для пулемета. Я видел такие у солдат...

Портной отобрал пиджак, на спину которого он кидал огромную колбасную запляту, помытого всклокочен и, покаявшись на кривых ногах, забегал по верстаку.

— Да разве вы умеете палить из пулемета? — хлопнул он себя по бедрам, останавливаясь перед Чижиком. — Вы, как только возьмете эту штуку, непременно застрелите себя или меня. — И Лейба в ужасе закрывал глаза.

Лино Фром Исакчя приняло горестно-гордое выражение:

— Я часовник, Лейба. А каждый часовник немножечко механик. И я спрашиваю вас, Лейба: если я в один день могу заменить самые сложные часы, то неужели я

— Прихватившие на рынок холмы утверждали...

— А знаете ли, о чем я думаю, Лейба?

— Радав я знаю больше того, что уже сказал? Может, истреблю всех этих золотопоногных филистимлян, а может, погубю и сам, как когда-то Самсон.

— И пусть, — внушительно поднял Чижик указательный палец, — никто, кроме меня и вас, Лейба, не знает, что мы купили пулемет. Ну, давайте же сюда вашу руку?

Вечером, разрезав на ужин соевые помидоры, Нехема спросила в чтор:

— Ну, что? Ты уже согласен войти в компанию с Чижиком? Заключивший врасплох, Лейба робко поднял глаза на красное лицо жены и, по привычке всегда говорить ей правду, начал:

— Не вдруг спохватился и закончила неожиданно для самого себя: — «... Балковский амбар. Нехема вплеснула руками:

— Я всегда говорила, что у него хорошая голова. И есть порядочные деньги. Во-время покупаете. Вот-вот придут беды, и тогда ейер, у кого есть хорошенькая собственность, не пропадет... Но у кого же вы думаете купить? Ведь Пашку Балкова еще в прошлом году расстреляли за фигель-мигели с денникниами.

Лейба молча закипавил себе в рот огромные куски помидора, жалел, что не проглотил две минуты тому назад вместе с ними собственный язык.

На другой же день эта новость стала достоянием всего рынка. Все с потением раступались перед Чижиком, когда он, по обыкновению, толкался среди людей, и значительно покачивая головами, глядя на его узкую сутулую спину.

— Вот вам и часовщик. Вы думаете, что чинить часы такое уж пустое дело?

— А с ним в компании этот... Портной Ривкин... Да-да... мне сама его жена говорила... И знаете, я недаром всегда требую, чтобы матерно раскравали при мне. Вот сколько останется «на ножницы» у этих портняжек, если они могут чуть не каждую неделю покупать себе целые каменные дома...

Из величайшего потения к восходящим коммерческим светилам, никто не постарался узнать, для чего же собственно им нужен этот заброшенный амбар.

Не поразило население городка и то, что из окна часового мастера исчезла его главная драгоценность — корабельные часы. Приезжающие на рынок хохлы утверждали, что часы купил Хома Рудный из Малых Кошелей, что теперь зной этих часовая установка на горе хохлякам, срывается с гнезд везе хуторских ключа, а собаки так воят, так воят, что их волосы шевелятся под шапкой.

НАКОНЕЦ настал день, когда все стало ясно без гадет, без яростной ругани виноградаря Луденко и перекрестной трескотни рыночных торговцев.

Все утро от самого рассвета около содела и других учреждений стояли тачанки и широкие укладные жогаеры.

К ним и от них, то-и-дело, бегали захлывавшиеся люди в гимнастерках и спешно укладывали какие-то ящики, узлы и просты свертки, наутро перетнутые тонкой бечевкой.

три дня не побыл, отчего страдал какой-нибудь пулемет!

— Да зачем же вам пулемет? Вы же красноармеец и, пожалуй, бог, не офицер. Пусть там дерутся, кому надо, а мы...

Чижик гневно нахмурил брови и угрожающе поднял руку:

— Молчите, Лейба, молчите. Или я буду не ейер, если моя нога еще раз переступит порог этого дома. Мы кто с вами? Ремесленники. Мы — рабочие... А если взять еврейский вопрос? Знаете, что я думаю, Лейба? Возможно быть, баран винюват немощно в том, что он стоит и молчит, когда его санчана режут, а затем кушают. Нужно, чтобы мы сами этого сказали: «Ш!» каждому, кто протянет руку к нашей иее. Но портной, казалось, все не мог взять в толк смысла своего приговора.

— Ну, что же будет, когда придут наши враги, а у вас — пулемет? Чижик досадливо дернул бородочку и пожал плечами:

— Ну, что же будет, когда придут наши враги, а у вас — пулемет?

Чижик досадливо дернул бородочку и пожал плечами:

— Ну, что же будет, когда придут наши враги, а у вас — пулемет?

Чижик досадливо дернул бородочку и пожал плечами:

— Ну, что же будет, когда придут наши враги, а у вас — пулемет?

Чижик досадливо дернул бородочку и пожал плечами:

— Ну, что же будет, когда придут наши враги, а у вас — пулемет?

Чижик досадливо дернул бородочку и пожал плечами:

— Ну, что же будет, когда придут наши враги, а у вас — пулемет?

Чижик досадливо дернул бородочку и пожал плечами:

— Ну, что же будет, когда придут наши враги, а у вас — пулемет?

Чижик досадливо дернул бородочку и пожал плечами:

— Ну, что же будет, когда придут наши враги, а у вас — пулемет?

Чижик досадливо дернул бородочку и пожал плечами:

— Ну, что же будет, когда придут наши враги, а у вас — пулемет?

Чижик досадливо дернул бородочку и пожал плечами:

— Ну, что же будет, когда придут наши враги, а у вас — пулемет?

Чижик досадливо дернул бородочку и пожал плечами:

— Ну, что же будет, когда придут наши враги, а у вас — пулемет?

Потом тачанки и жогаеры со скрипой двинулись в степь. Городок притаялся и замер.

Несмотря на то, что солнце уже поднялось на пол-горы, песчаные утеса не покидали тишины. В окнах жилищных домишек не открывались внутренние ставни. Не скрипели вала глубоких колодезь, не путались под ногами на улице дорожка и кучра, и только собаки завели, как ночью, настороженный нетеропливый лай.

Опанас, оставшая за собой узенькую струю табачного дыма, нетеропливо прошагал на рынок, степенно обошел пустые точки и на головах запертые лавки, и только собрался было схватиться за колодезь, как вдруг за Кошкой что-то ухнуло, раскатилось, над головой Опанаса с воем пронеслась «яко-то лика», и тотчас же в лесу за городом поднялся бурый столб дыма и громыхнуло так, что у Опанаса потемнело в глазах. Боска с вином кинулся ему под ноги, а сам лед «переперулся», по его собственному извещению, «як малый горбич»; встал на четвереньки и попола под какой-то ларь.

А Фроим Исакчк с Лейбой при первом же выстреле бросились на чердак амбара. Чижик, не жалея своих полотняных панталон, встал на колени, из-под груди щепок и комьев глиняной засыпки быстро вынул пулемет, обдул и стал торопливо налаживать. Лейба всеми силами старался помочь приятелю, но так бестолково соваясь и путался руками, что Чижик сказал тихо:

— Лейба... Вы забыли всю механику, которой я вас учил по ночам. Сдайте лучше в сторону и... молчите.—неожиданно для самого себя прибавил Чижик, хотя бедный портной и так за все время не проронил ни одного слова и только стучал зубами.

Вдруг что-то грохнуло с такой силой, что каменный амбар зашатался, железная крыша заредела над головой и встревоженные гудобы, треща крыльями, забили о перемыты, роняя серые перья пушечки.

Лейба втянул голову в острые плечи, опрометью бросился к лестнице, даже не оглянувшись на товарища. Послышалась частая дробь его пятки по железным ступенькам, и — Фроим Исакчк остался один.

Сначала он испуганно полузакрыв тонкие веки и хотел последовать за изминником. Но потом опустился на землю, пролежал несколько минут, тяжело дыша и стараясь унять колодезьные сердце. Приподнялся, напелна ленту, просунул дуло в заранее пробитую щель в крыше, припал рядом с ним глазом и начал наблюдать.

Пушка больше не бухала. И в городке, и на том берегу в лавках все было совершенно тихо. Только низовой ветер шлепал в камышах, да чуть-чуть всплескивала Кошка.

Фроим Исакчк начал уже успокаиваться, решив, что больше ничего не будет.

Вдруг на противоположной берегу речки, как раз на том месте, где была лясина, показалась несколько человек. Чижикую были видны не только белые кити и фуражки всадников, но и сияющие под солнцем погоны. Тот, что стоял впереди, с красным лицом и широкой русской фуражкой, долго и внимательно вглядывался в правую сторону горвыщих стеклами бинюха. Около время Чижикую показало, что две солонечно-ярких точки усталились прямо на него.

Он селся, закрыл глаза, ожидая, что вот-вот раздался выстрел, который уложит его на месте. Потом оправился и снова принялся за наблюдение. Солонечно-яркие точки опустелись к товарищам и начал что-то говорить, показывая рукой на противоположный берег, в сторону от Балковского амбара. Конные селились кучкой.

— Стрельнуть или нет? — подумал часовщик. — Нет, пожалуй, не достанет, далеко...

Всадники повернули лошадей и уехали. Целых полчаса берег был совершенно пуст. Фроим Исакчк стал-было уже подумывать, что можно спуститься побоблат, а потом притти опять, как вдруг воздух дрогнул от многоголосого крика.

На лясное место, словно горю, посыпались конные и пешие люди, камыши раздвинулись, и как потом утверждал сам Чижик, «целая армия белых бандитов» ринулась в воду.

Конка забурляла и на добрую сотню саженей в ширину густо зачердела головами плывущих. Сердце Чижика екнуло и остывилось. Он зажмурился и навая спуск пулемета. Раздался такой треск, как будто кто-то разорвал кусок грубого полотна.

Часовщик не волил дуло, как это делают опытные пулеметчики, но рука его так тряслась, что гибельный снайперский град широкой дугой прорезал плывущих.

Крик перешли в дикий встревоженный рев. Но Фроим Исакчк не видел людской кани, беспомощно толкающейся лентой заперченной решетки.

Он торопливо менял ленту за лентой, нажимал гашетку и разрывал, разрывая полотно кусок за куском... Он не знал даже и того, как над плывущими появи-

Катунца упала...

лись быстро-пухлящие и рвущиеся комья оранжевой ваты. Не слышал, как сади него со стороны городка заухали пушки, застрекотали пулеметы и торопливо захлопали винтики.

Фроим Исакач опомнился лишь тогда, когда заметил, что лент более уже нет...

В эту минуту в косяк полосе света, падающей из слухового окна, появилась огромная фигура в синей матросской блузе и бескозырке с развевающимися лентами.

«Сам генерал Врангель», — подумал Чижик, закрывая глаза.

Но моряк хлопнул Чижика по плечу широкой ладонью и заорал ему в самое ухо, стараясь перекричать грохот двухсторонней канонады:

— Правильно, братишка! Крой их, сволочей... Эге, да у тебя песь пар из котла вышел... На-хось хоть парочку покуда...—сорвал он с себя пулеметные ленты и, бросив рядом с Чижиком винтовку, ринулся обратно к входному отверстию, что есть силы проревев наберегу:

— Вваливай. Я сейчас.

Не успел Чижик разорвать еще два куска полотна, как великан уже появился снова, слегка躬ясь под тяжестью целого ящика с пулеметными лентами.

— Ну-кась, теперь я. Отчаливай, братишка. Ты свое дело сделал...—Потом, не особенно вежливо оттолкнув Чижика от пулемета, присел на корточки и усердно выдалом двудом направо и налево...

Часовщик, пошатываясь, спустился по лестнице, и вдруг угод амбара, на его глазах, отлетел, как кусок расколотого перезрелого кувши, и в железные канни завалился с тушей палы к самому ящику. Без мысли о том, что он делает, Фроим Исакач снова вбежал на лестницу, перескочил через путаную грудю расцепленных балок и скорченных листов железа и бросился в угол амбара, к замолчавшему пулемету. Великан матрос неподвижно лежал, раскинув руки.

Он попробовал приподнять моряка за плечи, но это было ему не под силу. Несколько мгновений Чижик без толку топтался около матроса, потом встал у него между ног, впрягся в них как в огобли. Сунул лапы матроса под мышки, прихватил руками клешни, прыгнул, сгорбившись и поволок тело лицом вниз к выходу...

— Брось, мать твою... — неожиданно заревел мертвец, вырывая ногой из-под руки Чижика и сразу же толкая его положившей в стужую спину.— Вью харю искривал, чорт... Нешто можно живного человека мордой винз вловоць? Эка невидаль — взрывать оглушать!

Небось и без тебя отлежался бы. А коли б и ухапало,— так на кой ляд я тебе сдаюсь?— продолжал матрос, вскакивая на ноги и вытирая рукавом куртки испаринашное лицо.— Плавную вещь, упоконьяй прешь, а пулемет броси... Тоже революционер... Эх-ты...

Моряк, сердито сплюнув, снова уселся на корточки и приладился к пулемету.

Но именно от этих бранных слов сердце Фроима Исакача ожгло, отогревалось и наполнялось какой-то радостной подымаящей волной...

Вы хотите знать, чем все это кончилось?

Спросите первого встречного не только у нас в городе, а пожайдуй в самом Херсоне, как поживает гражданин Чижик.

Мастерская все существует, и за маленьким окошком вы опять можете видеть большие корабельные часы. Карульщик Опанас Кучюков, если на его спросите, непременно расскажет вам, что он видел своими собственными глазами, как злокопанный Хома Рудый колотил себя в грудь и чуть не на коленях стопа перед часовщиком, прося купить у него обратно «скаженну машину», из-за которой он, Хома, «являта не маает от «пидковорок» соседей хуторни.

Часы висят и бьют попрежнему. Соседа Дипа Яковлева хоть и затыкает уши от их нестерпимого звона, но уже не переставаясь своими поным бюстом через камышевый заборчик. Разве можно связываться с человеком, у которого в сумочке лежит такая бумага, где сказано, что он—Эфрим Исакач Чижик—за особые заслуги перед революцией получает каждый месяц семидесят пять рублей?!

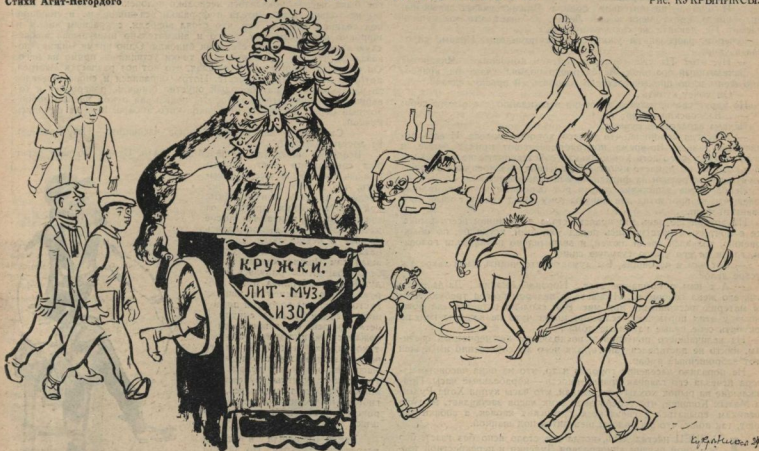
Недаром мадам Ривкина каждое утро останавливается перед какой-нибудь знакомой торговой или, упершись красными руками в могучие бедра, начинает кричать так, что ее слышит добрая половина рынка.

— Вы думаете, Душка, бог не знает, чем наказать умную еврейскую даму! А я вам говорю: да, знает. Он посадит ей на голову такого мужа, как мой Лейба. Посудите сами: если бы Лейба не послушала тогда уговоров этого хитрого человека и не ушла с чердака амбара, он был бы теперь тоже большим персона; ничуть не хуже какого-нибудь Чижика. И тогда ленисно подсажив на пополам: Фроиму Чижика один рубль двадцать пять копеек в день и Лейбе Ривкину один рубль двадцать пять копеек в день...

ПОДСТУПЫ К ИСКУССТВУ...

Рис. КУКРЫНИКСЫ

Стихи Агат-Негорово

Так мы позиции наши сдаем,
Так окружает нас гребок кольдиз
С милой улыбочкой на губах
Классовый враг в рабочих кружках.

В двери и в окна тревога стучит—
Классовый враг мясорубку вертит!

Слушай, товарищ! Насторожись!
Если ты строишь новую жизнь,
Если она тебе дорога,—
Ты обнаружь и добей врага!

В двери и в окна тревога стучит—
Классовый враг мясорубку вертит!

Если ты хочешь в наших рядах
Двинуть культуру на новых путях,
Чтоб расцвела она ярче и лучше,—
Помни:
Этот шарманчик тебе не получишь.

В двери и в окна тревога стучит—
Классовый враг мясорубку вертит!

П. Майский

КАРА ЛИБКНЕХТ

Убит 15 января 1919 г.

Этот снимок относится к пребыванию К. Либкнехта в армии во время интернациональной войны

ПОБЕДЕ НАД БОЛЕЗНЯМИ

Консультация в доме комсомола Кр.-Пресненского района.

Затягиваясь папироской и ловко стращая пепел на причудливо шевелящуюся Марку, он, надвываясь, кричал с места: — Довольно! Кончай бузу! Государь резолюцию!

— Нельзя так, товарищ... Вопрос серьезный — о теоретических корнях правого уклона! — возражал Марк.*

— Да знаем! Чего там разводиться амуницией? Государь!

Принималась резолюция. И рука товарища Дорюфеева поднималась высоко над собранием, сжимаясь в негодующий кулак. Дорюфеев клялся позором оппортунистического лицедейства правых.

А вот теперь он стоит как школьник и грубо терзает ни в чем не повинную кепку. — Товарищ Дорюфеев! Какая разница между правым уклоном и трюксистом? — Разница? Что ж вы меня побить хотите? Думаете, я такого пустяка не знаю... — Ну, а все-таки...

Правые стоят за развитие сельского хозяйства, а трюксисты — за развитие промышленности.

— Ну, а партия?

— А партия примиряет их.

«Всеэяйка» самодовольно улыбуется. Ему и в голову не приходит, что он всю партию обвинил в примирчестве, что правых оппортунистов он сделал поборниками роста сельского хозяйства, а трюксистов — вожжами индустриализации.

— Читать? Зачем «всеэяйка» читать? Ведь он же голосовал за резолюцию — разве этого мало?

Племя таких комсомольских «сортдоксов» и сожаленью, довольно обильно.

И товарищ Крютова, зав. АПО Бауманского райкома ВЛКСМ, горделиво улыбается: — У нас никаких уклонов! Ребята целиком и полностью за генеральную линию. Восемнадцать тысяч молодежи занято политечкой.

Однако, когда МК ВЛКСМ правед налет на комсомольские кружки и школы, выяснилось совершенно иная картина.

Словом «налет» вошло в обиход наших дней. Комсомольцы-ударники, кавалеристы, бригады преуспели в страшных «налетчиках» и довольно успешно вырывают бюрократические траншеи канцелярий.

— А тут вдруг этакий сюрприз: — Налет на самых налетчиков! Налет на комсомольское политеобразование!

Под обследование попало 156 крупных предприятий Москвы. И тогда новоиспеченные комсомольские бюрократы, опасавшись розовыми очками благополучия, решили скрыть свой позор. Плохой образец показала ячейка Образцовой типографии. Она постаралась скрыть от налета политически-неразвитых комсомольцев, она хотела провести обследователей и щегольнуть успехами. Тяжела на подъем и ячейка завода подъемных сооружений. Она тоже не хотела выдать себя с головой. Она тоже спряталась в кусты левеления и «неуязвима».

На комбинатской фабрике вместо занятых политиколов обследователи застали развешенный музыкально-вокальный вечер. В правлении ГЭТА из 36 человек пришло на занятия только 16.

Но рекорд все-таки побил Русаковский трампарк. К ответу явился только... один человек. Этот кустарь-одиночка склонил свою буйную голову и готов был отвечать за всю ячейку.

Казанскими сиротами прикинулись комсомольцы Казанского депо, — на проверку пришло только 3 человека.

— Нельзя иначе! Сами знаете — перерывка, бригады, соревнования!

Но лучше всех вышел из положения текстыльный техникум. Удурость товарищей из этого техникума достойна лучшего применения — там решили сделать политечку обязательной только для беспартийных.

А мы — комсомольцы. У нас политечка добровольная. Хочу — учусь, хочу — нет.

Налет открыл глаза комсомольским агитпропам на всю картину политеобразования.

На отдельных предприятиях оказались резкий разрыв между теорией и практикой. Пока на фармазаводе политиколога говорит о социалистическом соревновании в шкворном масштабе — соревнование и ударничество на самом заводе срывается. Две ячейки в Сокольническом районе целый год занимались... по деревенскому учебнику. Они говорили о преимуществах трактора перед плугом, о превосходстве голландских коров перед симментальками и совсем забыли о преимуществах кооператора и рационализации.

Социалистическое соревнование на учебную между районами Москвы и Ленинграда превратилось в бесполезную организационную шумиху. Всклеса договоров, с таким триумфом подписанные комсомольцами, подлежат опростовосанию.

Нам нужна перестановка сид в политечке. Теоретический Перекоп должен быть взят комсомолом, как Перекоп гражданской войны. Политическая обстановка наших дней не настолько проста и спокойна, чтобы мы позволяли себе роскошь забвения теоретических вопросов. Меньше всего нам нужны лудивсанжайки...

В „ОКОПАХ“ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОХОДА

Дом комсомола Кр.-Пресненского района. Выставка книг

Скорути

А. Маркучи

Около тридцати лет назад Сицилия являлась чуть ли не единственным поставщиком серы. Казалось бы, что итальянские серные промышленники должны были воспользоваться этим привилегированным положением и поднест технику добычи серы, облегчив тем самым труд рабочих. Однакоже хозяйская алчность и стремление к наибольшей эксплуатации рабочих не позволили использовать последние достижения техники.

Обычно владельцы рудников славяли серные залежи в аренду на несколько лет более мелким предпринимателям.

Арендаторы, разумеется, не было никакого смысла проводить крупные затраты и приобретать усовершенствованное оборудование. Поэтому на серных рудниках процветала хищническая эксплуатация, благодаря которой в Италии серная промышленность и до сих пор является одной из самых отстающих. Добыча серы в большинстве случаев производится «по-старинке». Технический прогресс идет чрезвычайно медленным темпом. Все усугубляющийся кризис в результате постоянных разногласий и зверской конкуренции между добывающей и обрабатывающей серной промышленностью довели до того, что из тысячи серных рудников в настоящее время функционирует всего лишь 275. Число рудокопов, занятых на производстве, сократилось более чем внавое. Тысячи рабочих оказались выброшенными на улицу и терпят самую жестокую нужду. Добыча серы, превышавшая в начале этого столетия 500 000 тонн, в настоящее время упала до 200 000.

Молодежь и подростки, работающие на руднике, подвергаются здесь самой бесчеловечной эксплуатации.

Итальянский комсомолец ведет большую борьбу против условий труда шахтеров-подпольщиков, называемых в общезнании — «скорути».

Рис. В. ЛЮШИНА

Сейчас, когда по всей Италии, «серные рубахи»¹⁾ отпраздновали сельскую годовщину своей власти, буржуазная газета «Корriere делла сера» помещает корреспонденцию из Кальтанисета (центр серных разработок в Сицилии), в которой описывается труд шахтеров.

Вот выдержки из этой статьи:

«Там, где имеется подъемная машина, приходится спускаться по узкому колодцу, при чем спуску этому нет конца. У человека появляется ощущение, как будто бы он тонет: атмосфера делается все более и более душноватой, появляется болезненное ощущение в груди. От дна колодца расходятся галлерей, ведущие к месту добычи серы. Пласты серы обычно располагаются в наклонном направлении, и галлерей приходится следовать за всеми их капризными изгибами. Рабочим приходится добывать залежи в толще скалы, пробивая себе дорогу киркой и взрывами.»

По реalsам «делаяивалля» пробовать удается напряженные мускулы, которым уже не суждено никогда увидеть солнечный свет.

В тех рудниках, где не устроены подъемники, до сих пор еще существуют «скорути», которые должны доставлять материал, полученный забойщиками, с глубины трехсот пятидесяти метров на поверхность земли. В течение дня «скорути» должны много раз пройти по выдолбленной в скале бесконечной винтовой лестнице из 1 500 неравных, скользких, от стелющейся на них сырости, ступенек, ведущих к устью шахты. Их спав-

ные детские плечи сгибаются от той непосильной тяжести, их дыхание — хрипло и прерывисто.

Работа в рудниках идет беспрерывно. Приходится развешивать забойщиков, работающих в самых отдаленных уголках галлерей, где так же жарко, как в русской бане, а атмосфера насыщена ядовитыми испарениями, идущими из минералов, и дымом взрывов. Они работают в две смены. Когда работа затруднена, когда приходится приготовляться к взрывам или убирать накопившиеся обломки, рабочий день затянута, для того чтобы не сократилась выработка.

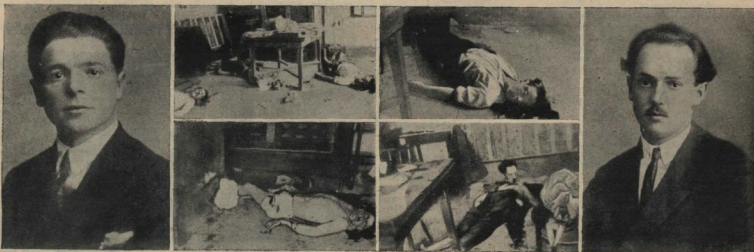
Да, тяжела их борьба с каменистым углем. А после работы они карабкаются вверх по бесконечной лестнице. Даже в тех рудниках, где имеется подъемная машина, рабочие лишены возможности ею пользоваться, так как она предназначена для перевозки материалов.

Все это пишет буржуазная газета. Но великокобружская совесть автора, пролившая итальянскими финансистам, не осмелела сделать в статье нестных выводов. Выводы сделаем мы!

Кням рудокопов, работающих на серных рудниках в Италии, будут созданы человеческие условия труда лишь тогда, когда победоносная революция свергнет в Италии фашистский строй и по примеру СССР создаст рабоче-крестьянское правительство.

Перевел с итальянского Б. Левченко.

ЮГОСЛАВСКИЙ КОМСОМОЛ — В ПОДПОЛЬИ

По всей Югославии разразилась волна правительственных репрессий против компартии и комсомола, затронувших в подполье и в июне фашистские жандармы убили кровавую расправу над организаторами и руководителями комсомола Югославии т. Иво Мичич и братьями Орешко.

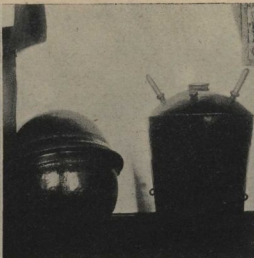
При попытке жандармов захватить нелегальную комсомольскую типографию тт. Мичич Орешко оказали им вооруженное сопротивление. Жандармы открыли стрельбу, и вожди югославского комсомола погибли. Но не погибла память о них. Их пример зовет на борьбу массы трудящейся

молодежи Югославии, и эти массы, несмотря на террор, на систему убийств изза угля, примененную фашистами в борьбе с комсомолом, растут с каждым днем. На наших фото — типография после разгрома и жертвы жандармской расправы — тт. Мичич (справа) и Мило Орешко (слева).

ТРОФЕЙ „МАТЧА“

Письмо из ОДВА Г. Скворцова

По вечерам, в свободное от занятий время коридор читальной базы ДВВФ оживает. Коридор, как речонка, разветвляющаяся руслами, вливается в читалку, библиотеку, в комнаты разумного развлечения. Обычно в шахматной комнате читальной базы ДВВФ царит тишина. Люди продумывают хода, направленные к разрушению единственно оставшихся в СССР «королевств» — белых и черных шахматных фигурок. И потому нам, привыкшим к тишине, странно было услышать десятки громких голосов, увидев в этой комнате толпу народа, напоминающего дружную, организованную усадьбу.

Шахматная комната на время перестала быть убежищем для шахматистов, пришедшие сюда люди наблюдали не результаты матча между своими же шахматными силами, здесь, в этой комнате, были выставлены результаты «матча» между Сунгарийской (Китай) и Красной Дальне-Восточной флотилиями.

Выставка трофеев — показатель прогресса Сунгарийских «фигурок».

Выставка разбита на несколько отделов, и группы посетителей переходит от одного отдела к другому. Пойдем и мы следом за ними, посмотрим то, что смотрят они.

Первый отдел — коллекция инструментов, назначение которых «чисто-воспитательное» — с их помощью воспитывается китайская армия.

Две палетки, одна больше другой, остроумно прозванные нашими краснофлотцами — «малой и большой дисциплинами». Действие «малой дисциплины» человек может выдержать, правда, с большими потерями для здоровья, действие же — «большой», сделанной из стального троса со свинцовыми наконечником, — смертельное. Тут же, рядом, вывешены меч палача и доска с приказом командира 3-го батальона Ляохусского гарнизона о казни «И Тен-вена, 21 года, уроженца Юга, за попытку помощи врагам». Доска вместе с головкой казенного была найдена возле кладбища, а (как потом выяснилось) попытка оказать сопротивление (т.-е. нам) поощрялась в том, что И Тен-вен не выдержал режима, царившего в армии, и зарекался.

В числе «воспитательных инструментов» можно увидеть китайский устав, орден для офицеров, медали для рядовых...

Как непохоже это «воспитание» на то, к чему привыкли наши бойцы — красноармейцы и краснофлотцы. Осмотрев этот отдел, представляешь себе необычайно тяжелое положение, в которое поставлен китайский солдат, жестокую картину, царящую в китайской армии.

Следующий отдел — тоже трофей, но другого порядка.

На красной, отполированной доске красуются коровные наледи китайских канало-

док — «Ли-Дзе» и «Дзя-Пин». Тут же лежит коллекция разнообразнейших палок, шпиль, в том числе эполеты и треуголка крабрана из харбинского кабаре адмирала Шена. Дальше идет отдел коровных флагов, вымпел крейсера «Иван-Хин», наблюдательный шар и «гальвано-ударная» мина, пойманная на Амуре. Чтобы сорвать наше судоходство и поставить под угрозу безопасность стовишников нашей военной флотилии, эти мины в большом количестве были разбросаны по Амuru.

Группы осматривающих подходят к витринам с оружием. На витринах полный «интернациональ» образцов: 120-мм пушки «Армстронга», автоматы Бергмана в Мауэра, пулеметы Стокса и Вickersа, бомбометы, минометы и даже русские трехлинейки, шашки и «Синтия».

Курьезен образец «оружия» китайского производства: деревянная пушка, сделанная для того, чтобы ввести в заблуждение нашу авиацию и «звать на испуг СССР».

Посетители выставки — не только бойцы

Особой «Дальне-Восточной»; выставку посещают и бывшие враги — китайские матросы, взятые в плен вместе с трофеями.

Отсутствие общего языка немного раздвигает нас, но, чтобы выразить свой интерес, плывущие придумали мимический разговор: показывая на шпиль Шена, они — подносят ко рту мизинец и поплевают на него. Это значит: Шен очень плохой человек. Затем, обращаясь к нашим командирам, они хлопотят их по плечу и показывают уже большого палец: «хороший человек, хоч, что означает» — хорошие люди. Командиры смеются, допытывая и китайцев.

Одобренные товарищеским отношением, плывущие примеряют адмиральские эполеты

и шпиль сопровождающим их краснофлотцам, вытгиваются во фронт и одновременно поясняют, как, зачастую, в ответ на «фронт» они получали по физиономии — волевистые китайской военщины.

Здесь, в этой дружеской обстановке, перестаеть верить, что эти китайцы были нашими врагами, и — даже больше того — верить, что вот этих ребят уж не обманут Шены и другие генералы. Известие о скором их возвращении на родину было встречено без особой радости, а многие прямо заявили: «Моя не хочу, моя буду большевика матрос, мой будет ваша служба. Ваша служба хорошая, а не вли в Китаю».

Пройдет немного времени и шахматная комната читальной базы ДВВФ примет обычный вид. Опять будет царить в ней тишина, и отдыхающие краснофлотцы снова возьмутся за разрешение различных шахматных ходов. Но вряд ли когда-нибудь забудется «ход» китайской и белооблидистой военщины, вряд ли когда-нибудь и они забудут наш урок.

КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

22 (9) января 1905 г.

В воскресенье, 9 января (22 н. ст.), рабочие Петербурга пошли на площадь к царскому дворцу. Рабочие шли к царю с петицией, где были изложены их требования. Демонстрация была обстрелена войсками. Тысячи рабочих, женщин и детей были убиты и ранены. События 9 января явились первым ударом по самодержавию. После «9 января» по всей России прокатилась волна забастовок протеста против самодержавия. На симские — набросок художника В. Серова, знакомящий с одной из бесчисленных уличных расправ с населением

АРКТИКА

Сурая природа этих мест. Много еще неизвестного таит в себе Арктика. Но человеческая энергия, стремление все познать толкают отважных путешественников раскрыть загаданное. Много жертв поглотила страна вечной зимы, но это не останавливает смелых духом. Одна за другой направляются сюда экспедиции... пока тайна перестанет быть тайной

НА СПАСЕНИЕ ЭЙЛЬСОНА

А. Морозов

В экспедиции по спасению американского летчика Эйльсона и его летчика Берналда, снаряженной по просьбе общественных организаций С.-А. С. Ш. советской правительственной арктической комиссии, принимают участие корреспондент «Смены» и «Борьбы Миром» Б. В. Громова.

Корреспондент и статьи тов. Громова с пути и касавшиеся самого хода спасения будут помещаться в журналах «Смена» и «Борьба Миром».

Эйльсон и Берналд, застрявшие сейчас в районе мыса Северного у советских берегов Северного Ледовитого океана, принадлежат к категории коммерческих летчиков Аляски. Лейтенант американского флота летчик Эйльсон и его механик Берналд служат в авиационной коммерческой фирме «Эрвэйс транспорт компани». На аэропланах они перевозят на Аляску меха, скучаемые американцами на дальних берегах океана, пересылают американских охотников с одного места охоты на другое и выполняют на севере службу «воздушных извозчиков».

В свой последний рейс к берегам Советского Союза Эйльсон и Берналд отправились по поручению своих хозяев. Завез мехе Северного быка затерта во льдах американская шхуна «Нанук». На судне находились дорогие меха, перероботка которые на Аляску и было приказано Эйльсону.

Последний полет Эйльсона на шхуну был вторым по счету. Первый раз, когда стало известно о положении «Нанук», Эйльсон благополучно добрался до судна и доставил на Аляску меха и дочь своего хозяина Свенсона, отправившуюся в свое время с «Нанук» на прогулку в океан.

Где же теперь Эйльсон и что с ним стало? На этот вопрос, хотя и очень призрачно, отвечает радиграмма, полученная в Москве от капитана, зимующего у мыса Северного пархода «Ставрополь», тов. Миловорова. В ней говорится, что на побережье Чукотского полуострова чукчи видели самолет Эйльсона. Чукчи передают, что самолет пролетел над западным берегом Колочинской губы, в направлении мыса Северного. Далее Миловоров сообщает, что чукчи другого района видели какой-то белый дым у гор близ моря. А русские охот-

ники из района к западу от Ванкарема видели самолет, который, якобы, сделал два круга над их жилищем и улетел к морю. При этом как чукчи, так и русские видели самолет во время пурги.

Вот собственно те данные о состоянии Эйльсона, которыми мы располагаем. Известно только, что Эйльсон находится где-то в районе мыса Северного, т. е. около затертых льдами «Ставрополя» и шхуны «Нанук».

Эйльсон терпит подобную аварию в Арктике вторично. В 1927 г. во время полета над Северным океаном он из-за недостатка горючего сделал вынужденную посадку и сломал у самолета льды. Восемнадцать дней сидел Эйльсон во льдах, пока не был спасен летчиком той же компании — Ийгом. Известно, что летчик прекрасно обмундирован, обеспечен на несколько недель продовольствием, имеет спальные мешки и походную плиту-примус. Таким образом, летчик, если он спустился благополучно, сможет долгое время продержаться в суровых условиях Арктики.

Советскую спасательную экспедицию, снаряженную правительственной арктической комиссией, возглавляет известный всему миру летчик В. Г. Чухновский. В состав экспедиции входят: аэронавигатор А. Д. Алексеев, пилот Г. А. Страубе, старший авиомеханик А. С. Шаагин и механик Князевский. Все они — участники экспедиции по поискам дирижабля «Италия» в 1928 г.

Поиски американцев начнутся с появления солнца на широте мыса Северного. Они пойдут с двух флаглов. Экспедиция Чухновского полетит по маршруту Якутск — Жиганск — Булуи — Казачья — Нижне-Колымская — Колымчинская губа. Эта группа вылетит на разведку на мощном двухмоторном самолете. Со второго фланга искать американцев отправятся два самолета типа «Юнкерс», оставшиеся дежуром «Литке» в 1929 г. для оказания помощи «Ставрополю».

Поиски американцев связаны с чрезвычайными трудностями. Огромное расстояние в районе так называемого «холода», средне-январская температура в 40 градусов по Фаренгейту, трудность ориентировки в тундре и блеск льда на полярном солнце, — все это представляет огромные препятствия в поисках летчиков и их аэроплана, сделанного, кстати сказать, из блестящего металла.

Значительно осложняется также и обслуживание самолетов и моторов на земле. Избыток моторов скатан излучением невожгих, приборы замерзают, а масло на морозе густеет.

Насколько было возможно, самолеты к экспедиции подготовлены хорошо.

„ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРАМОТА“ — ИГРА ЧИТАТЕЛЯ

ПЕРВАЯ СЕРИЯ.

НОВЫМ ЧИТАТЕЛЯМ

В 24 номере «Смена» начала игру читателей «Техническая грамота». Новые читатели «Смены» не знают условий игры. Повторяем их.

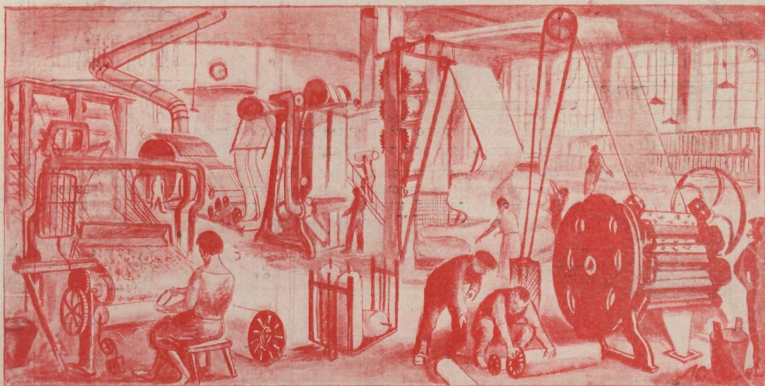
Будет помещено 6 серий задач.

Набравшим наибольшее число очков за решения будут даны ценные премии:

5) Представитель редакции «Смены» тов. Глазев.

Помимо основного состава жюри, перечисленного выше, специалистов-консультантов редакция приглашает принять участие в работе жюри участников конкурса игры «Техническая грамота». Желающих просим сообщить нам свои адреса и телефоны.

ТЕКСТИЛИ, СЛОВО ЗА ВАМИ!

Условья. Доставивший для прошлого номера рисунок с неуразностями и нелепостями, изображающий цех металлургического завода, решил дать нам еще рисунок, изображающий текстильную фабрику. Найдите здесь все неуразности и нелепости, опишите их и пришлите в редакцию

спорт-принадлежности, книги, игры типа «Мекано» и т. п. Выдумывайте новые формы задач и игр, развивающих способность и дающих технические знания.

Организуйте коллективные решения задач. Шлите отзывы и предложения, как лучше организовать игру «Техническая грамота».

Все письма адресовать: Москва, Новая площадь, 6, Редакция «Смены» — на «Конкурс задач».

Ответы на задачи будут помещаться через номер. Решения инородных подписчиков рассматриваются в том случае, если дата почтового штампа города отправления соответствует дню выхода номера журнала, в котором помещены ответы.

КТО СУДЬИ?

Кто будет ценить качество ответов и определять техническую грамотность, чутые и изобретательность читателя?

Нами сделано все возможное, чтобы удовлетворить читателя. Редакция в состав жюри привлекла следующих товарищей:

- 1) Генеральный секретарь Всесоюзного Общества Техмасс тов. Рубинчик.
- 2) Инженер-конструктор тов. Шитиков.
- 3) Рабочий металлист тов. Воронин.
- 4) Член Бюро секции технического любительства Всесоюзного Общества Техмасс тов. Толмачев.

КАК, ПОЧЕМУ, ЗАЧЕМ?

- 1) Что такое искусственная и трипачная шерсть?
- 2) Какие растения для текстильной промышленности мы культивируем помимо хлопка и льна?
- 3) Что собой представляет типографский металл?
- 4) Из каких исходных продуктов получается мыло?
- 5) Что такое крезот и из чего он добывается?
- 6) Из чего готовится целлулоид?
- 7) При каком цвете закалки сталь бывает более хрупкой, при желтом или синем?
- 8) Что такое шкив?
- 9) Почему электрические провода изготавливаются из меди?
- 10) Зачем дубят кожу?
- 11) Благодаря какому свойству чугуна является удобным металлом для отливки?
- 12) В чем преимущество шарикоподшипника перед другими видами подшипника?
- 13) Из чего добываются исходные материалы для анилиновых красок?
- 14) Сплавы каких металлов применяются при паянии?
- 15) Что такое бессемерование?
- 16) Как добывается светящийся газ?
- 17) Что такое рафинирование?
- 18) Что называется карбидом?
- 19) Что такое подшипник?
- 20) Что такое карборунд?
- 21) Для чего применяется в технике так называемый водяной газ и что он собой представляет?
- 22) Какое растение мы культивируем для получения каучука?
- 23) Из чего изготавливается искусственный шелк?
- 24) Существует ли у нас производство текстильных машин и где?

ПОДПИШИСЬ на 1930 год

VII ГОД ИЗДАНИЯ

СМЕНА

VII ГОД ИЗДАНИЯ

МАССОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХОУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ.

ВЫХОДИТ КАЖДЫЕ 10 ДНЕЙ

В 1930 г. выходит в совершенно реорганизованном виде. К участию в журнале привлечены лучшие писатели, поэты, очеркисты и художники. Формат увеличен почти вдвое (размер „Прожектора“). „СМЕНА“ печатается в 2 краски, на лучшей глянцевой бумаге. Подписчик получит в 1930 году 36 номеров.

В 1930 г. в «СМЕНЕ» будет печататься коллективный роман, в котором примут участие: В. Кив, В. Дмитриев, Н. Богданов, М. Светлов, М. Колосов и другие.

В «СМЕНЕ» будут печататься рассказы, стихи, научно-публицистические очерки, исторические мемуары (воспоминания старых большевиков).

«СМЕНА» — по-ленински ставит основные вопросы работы и жизни комсомольской организации и помогает их разрешению.

«СМЕНА» — смело и решительно выступает против всяких оппортунистических тенденций, «левых» загибов и примиренчества к ним в работе, в быту, литературе и искусстве.

«СМЕНА» — помогает читателю видеть и осмысливать размах социалистического строительства, мобилизует его на выполнение пятилетнего плана, борется за революционные темы реконструкции.

«СМЕНА» — уделяет особое внимание перестройке комсомольской работы, теоретической учебе, коллективизации быта, коммунистическому труду, воспитанию нового человека.

В № 24 начинает печататься интересная массовая игра

„ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРАМОТА“

За лучшие решения читатели получают ценные премии.

Цена номера 10 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На год	.....	3 руб — коп
— 6 мес.	.....	1 руб 60 коп
— 3	.....	— руб. 85 коп
— 1	.....	— руб. 30 коп

Приложение к „СМЕНЕ“

I АБОНЕМЕНТ.

«СМЕНА» (36 номеров) с прил. 12 больших иллюстрированных сборников реп. приключений, путешествий и открытий, научной фантастики и изобретений, худож. проп. агитации генерального плана.

„БОРЬБА МИРОВ“

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на год—7 р., 6 мес.—3 р. 70 коп., 3 мес.—1 р. 95 к., 1 мес.—70 к.

II АБОНЕМЕНТ.

«СМЕНА» (36 номеров) с прил. 36 выпусков «ДЕШЕВОЙ БИБЛИОТЕЧКИ СМЕНИ». «Библиотечка Смены» разбивается на 2 серии: беллетристическую (в нее войдут произведения лучших молодых писателей, поэтов и очеркистов) и публицистическую (наиболее живучие и злободневные вопросы парт. и комсомольской жизни)

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на год—5 р. 20 к., 6 мес.—2 р. 80 к., 3 мес.—1 р. 50 к., 1 мес.—54 к.

III АБОНЕМЕНТ.

«СМЕНА» (36 номеров) с прилож. 12 сборников «БОРЬБА МИРОВ» и 36 выпусков библиотечки «СМЕНИ». ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на год—9 р. 20 к., 6 мес.—4 р. 90 к., 3 мес.—2 р. 60 к., 1 мес.—94 к.

По III абонементу для годовых подписчиков допускается рассрочка: при подписке вносится 4 р. 50 к., 15 марта—2 р. 50 к. и к 15 июня—2 р. 20 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Москва, Центр, Новая пл., 6. Изд-во ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“; всеми отделениями изд-ва, киосками Контрагентства Печати, всеми почтово-телеграфными конторами, письмоносцами и уполномоченными с соответств. удостоверениями.